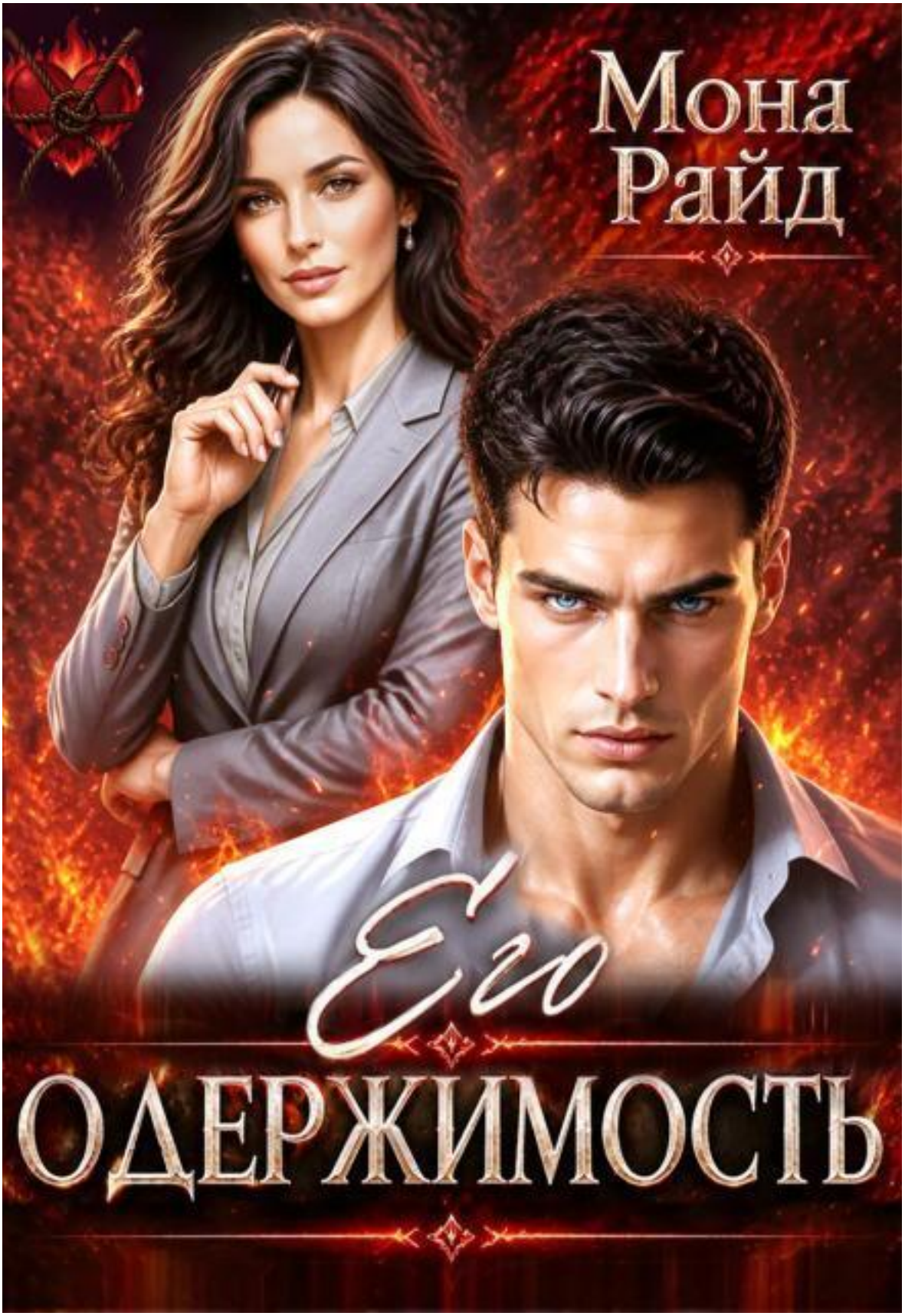

Мона
Райд
Его
ОДЕРЖИМОСТЬ

Мона Райд

Его одержимость

«Литнет»
2026

Райд М.

Его одержимость / М. Райд — «Литнет», 2026

Из-за развода я потеряла дочь, крышу над головой и веру в завтрашний день. А он появился на пороге и сказал: «Ты будешь моей». Без просьб, без вариантов. Просто факт. Обещания, угрозы, ласки и контроль. Я ненавижу его за то, что он делает. Я боюсь его за то, что он готов на всё. Но с каждым днём мне всё труднее разобраться, где заканчивается страх и начинается то, что я не смею назвать любовью.Развод, запретная страсть, одержимость, немного боли и много любви, очень откровенные сцены. Герой дерзкий, молодой, горячий! Героиня старше.Дарк-романс, 18+ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОТ АВТОРА: Герой далёк от идеала, а его моральные ориентиры размыты.В книге присутствуют нецензурная лексика, психологическое давление, откровенные сексуальные описания.Не дайте книге затеряться — добавьте её в библиотеку и поддержите звёздочкой. Мне очень важны ваши отзывы, даже самые честные, я всегда слышу вас. Если хотите быть в курсе новинок — подписывайтесь! Новые истории буду выходить регулярно.Книга входит в литмоб «Одержимые любовью» 18+

© Райд М., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Зверёныш 5
Наша героиня. Визуал 10
Глава 1. 2 часть. 12
Наш герой. Визуал. 15
Глава 1. 3 часть. 18
Горячие визуалы героев. 24
Глава 1. 4 часть. 27
Глава 2. Тигрица 31
Глава 2. 2 часть. 33
Глава 3. Ярость 37
Визуал героев 39
Глава 3. 2 часть. 40
Глава 4. Красный туман 43
Глава 5. Подруга 46
Глава 5. 2 часть. 48
Визуалы героев 2 50
Глава 6. Пустота 51
Глава 6. 2 часть. 53
Глава 7. Возвращение блудного мужа 55
Глава 8. Явление 57
Иллюстрация 60
Глава 9. Разговор. 61
Визуалы героев 3 64
Глава 10. Мороженое 65
Глава 11. Ночь и утро 67
Трепетный визуал героев 72
Глава 12. Завтрак с привкусом безумия 73
Глава 13. Хрустальное сердце 76
Глава 14. Константа 78
Глава 15. Воскресная мама 80
Глава 16. Неудачница 83
Глава 17. Белый кролик 86
Глава 18. Психолог 91
Глава 19. Одурь 94
Глава 20. Его вечер 97
Глава 21. Объяснения 100
Глава 21. 2 часть. 103
Глава 22. Без права выбора 108
Конец ознакомительного фрагмента. 109

Глава 1. Зверёныш

Саундтрек - Xolidayboy "Пожары"

Он знал, что она будет дома.

Как только прилетел в страну, сразу связался со своим детективом.

Ему нужно было всё знать про неё. И как бы напряжённо ни было все эти две недели после смерти отца, он ни на секунду не забывал, что Елена Петровна здесь, в городе, что она живёт, дышит.

Пока на расстоянии от него, но это поправимо.

Дверь открылась не сразу.

Он стучал долго. Раз за разом. Двадцать ударов, тридцать. Молчал.

Потом резко сказал:

— Елена Петровна, открывайте. Я знаю, вы дома.

Она не ответила. Было слышно, как за дверью она замерла.

Тень мелькнула в глазке.

— Вы меня слышите? Я пришёл поговорить. Откройте, или я буду стоять и стучать здесь до утра.

Тишина. Потом щёлкнул замок. Дверь приоткрылась на цепочку. Её глаз — усталый, настороженный.

— Чего тебе, Максим?

— Поговорить, — он старался говорить ровно, почти сухо. — Откройте.

Она поколебалась, но сняла цепочку.

Он вошёл, закрыл за собой дверь.

В квартире было тесно, пахло дешёвым кофе и одиночеством.

Она отступила к стене, скрестила руки на груди. Смотрела укоризненно — как на провинившегося ученика, которого не ждали.

Он увидел мешки под глазами, сероватую кожу, как Елена осунулась, похудела.

Максим помнил её совсем другой. Такой воздушной и красивой, что аж дух захватывало. Но сейчас она ему всё равно нравилась.

Он всегда хотел её себе в любом виде.

Она была в растянутой футболке, без лифчика (он заметил сразу, его зрачки расширились), с мокрыми волосами — только из душа.

Вода капала на ее плечи и шею, и ему хотелось всё это слизать, а потом намотать на руку мокрые волосы и…

— Откуда ты здесь? Ты же в другой стране был, я думала, — сказала она холодно. — Англия …

— Отец погиб, — перебил он её, но мягко. — Две недели назад. Автокатастрофа. Вы не знали?

Она вздрогнула, опустила глаза.

— Я… слышала. Мои соболезнования.

— Спасибо. — Он сделал паузу, собрался с мыслями.

— Я бы пришёл раньше, Елена Петровна. Честно. Но похороны, адвокаты, бизнес — всё свалилось на мою голову. Пришлось разбираться, ни минуты не было свободной.

Он говорил ровно. Но скулы сводило от напряжения — хотелось сорваться, схватить, вжать в стену, обнюхать. Так долго он ждал этого момента. Но он не мог этого себе позволить.

Сначала надо было попробовать спокойно донести до неё все выгоды, которые она получит, согласившись на его условия.

Сначала цивилизованно и терпеливо.

Возможно, здравый смысл у неё перевесит страх запретных отношений.

А если не получится — тогда уже его зверя никто не остановит.

Сначала сломить морально. Отец научил: бизнес и война одинаковы.

Сначала лиши противника опор. Любовь — это та же война.

Потом собирай и лепить под себя свою женщину.

Она молчала.

— Даже не спросите, зачем я пришёл?

— Зачем ты пришёл? — сказала она устало.

— Я знаю, что вы разведены. Почти четыре года уже.

— Знаю, что ваш муж забрал дочь через суд. Воспользовался тем скандалом в лицее — со мной. И вы теперь видите Аню раз в неделю, под надзором.

— А сами снимаете эту студию, потому что по брачному контракту он сделал вас виновной и лишил всего имущества, которое вы нажили с ним за четырнадцать лет.

— Вы работаете за копейки, официального дохода нет, в школу вас не берут, потому что аморальная статья в трудовой. Я прав?

Она сжала губы, но не отрицала. Смотрела на него, как будто ножом резала.

— У меня есть предложение.

— Хотел бы я его вам озвучить раньше на три года, но не имел таких возможностей, сейчас же после смерти отца… — сказал он тихо.

— Всё без обмана, если хотите — подпишем брачный договор и обязательства у нотариуса, что со своей стороны я выполню всё, что обещаю.

— Что за предложение? Что ты имеешь в виду? — насторожилась она.

— Вы станете моей женой. Моей женщиной. Я дам вам жильё, деньги, статус. И я верну вам дочь. Лучшие адвокаты, мои связи, мои деньги и теперь безграничные возможности отцовской империи — мы отсудим Аню, она будет жить с вами… с нами.

— Ваш бывший муж меня не интересует, можете его ненавидеть, сколько хотите, но я помогу вам его уничтожить, вернуть часть имущества, которая по праву принадлежит вам и дочери. Вы восстановите свою репутацию, если захотите, можете даже преподавать.

— Я ни в чём не буду вас ограничивать, если вы будете со мной, как моя жена и обещаете мне верность. Я обещаю вас любить, заботиться и баловать.

Она смотрела на него с недоверием. Её глаза округлились, рот тоже приобрел какое-то удивленно растерянное выражение.

Максим мог бы сейчас сказать, что ему хочется сделать с этим ртом, но он не стал заранее её пугать. Просто отвёл глаза, чтобы она в них ничего не прочитала.

— Ты… ты серьёзно? — произнесла она, не веря собственным ушам.

— Абсолютно. Это сделка, Елена Петровна. Честная. Вы получаете ребёнка, дом, достаток, возможность путешествовать, делать всё, что вам заблагорассудится. А я получаю вас.

Она отвернулась, потёрла пальцами виски.

— Что ты такое говоришь?

— Ты вообще слышишь свои слова?

— Это какой-то сюр или сон, или ты меня разыгрываешь? Где камеры?

— Мне не смешно, — она попыталась улыбнуться, но у неё не вышло, на её нежном и усталом лице появилась какая-то странная эмоция — не то стыда, не то боли.

Он молчал. Он не хотел делать ей больно и неприятно тоже, но она четыре года назад не оставила ему выбора.

Она не поверила в их любовь, и в итоге они мучились по отдельности такое грёбаное количество дней.

А сейчас будет так, как он решил, потому что всё, что она делает на эмоциях, не рационально, это разрушительно как для него, так и для неё.

Книга написана в рамках литмоба одержимые любовью

https://litnet.com/shrt/nz_u

ОДЕРЖИМ
ЛЮБОВЬ
Их любовь – опа
ИГРА НА ГРАН
Готовы шагну
В ЭТУ ТЬМУ?

Наша героиня. Визуал

Елена Петровна до развода.

Елена - 36 лет.

Бывшая учительница, в разводе, потерявшая работу, квартиру и дочь.

Живёт в съёмной студии на окраине, работает репетитором и давно забыла, когда последний раз чувствовала себя женщиной.

У неё ранний климакс, куча комплексов и ни капли надежды.

Пока однажды на пороге не появляется бывший ученик, чтобы перевернуть всё.

Глава 1. 2 часть.

Саундтрек – Сергей Лазорев "В самое сердце"

Не дождавшись его ответа и не увидев скрытой камеры, Елена продолжала нести то, что заставляло его мотор в груди колотиться всё чаще и чаще.

Та его звериная темнота, которая иногда вырывалась наружу из-под контроля, начинала застилать глаза.

Он понял, что по-хорошему и цивилизованно с ней не получится.

Она будет сейчас строить из себя строгую училку, умудрённую опытом женщину, а его представлять распущенным мальчишкой.

Его это всё ещё четыре года назад вынесло нехило и сорвало тормоза.

Позже он пожалел о том, что так поступил, но он был юн и не мог держать эмоции под контролем.

Конечно, если бы он знал, как это ударит по той, которую так любил, то постарался бы удержаться.

Сейчас другое дело: у него было больше ресурсов и времени, больше силы воли, но всё равно его терпение было не безгранично.

— Какая сделка? Какая жена? — продолжала проповедовать Елена с умным видом.

— Ты что, мальчик? Я старше тебя на тысячу лет, я вообще чувствую себя уже больной старухой. И не только чувствую, а этому действительно есть медицинские подтверждения, анализы, УЗИ.

— Ты молодой, красивый, богатый, да у тебя вся жизнь впереди, рядом с тобой будет любая молодая красотка, даже знаменитая модель или актриса.

—Ты потом ещё сто раз пожалеешь о том, что сейчас мне предлагаешь, да и я не воспринимаю тебя как мужчину, как мужа, для меня ты запутавшийся ребенок, который потерял мать. И ищет в любой женщине постарше её продолжение.

Елена взяла паузу, как будто сама не верила в то, что говорит, но продолжала с видом умудрённой опытом женщины, который бесил его так, что искры летели из глаз.

— И даже чисто гипотетически, если бы я согласилась на твоё предложение, и у нас была разница хотя бы в четыре года, даже семь лет, но я старше тебя на четырнадцать!!!

— Меня посадят за растление малолетних — продолжала нести она чушь, не понимая, что эти слова для него, как красная тряпка для быка.

Он не запутавшийся мальчишка и искал в ней не мать, в этом она очень сильно заблуждалась.

Она смотрела на него с этим дурацким превосходством.

Училка. Опытная женщина, которая оказалась со всем своим опытом в жопе.

А он для неё — мальчик, который не дорос.

Где её хвалёный профессионализм?

Она думала, что читает его, как открытую книгу.

Максим сжал челюсть.

Набрал побольше воздуха, потому что ещё несколько минут — и он не сможет себя контролировать. Но он очень не хотел терять контроль.

— Елена Петровна, послушайте меня спокойно. Просто послушайте. Не надо сейчас никаких ответных реплик. Я могу подождать несколько дней, чтобы вы приняли эту мысль и хорошо её обдумали.

— Я предлагаю вам ВЕРНУТЬ ВАШУ ДОЧЬ, по которой вы, безумно скучаете.

— Я предлагаю ОТОМСТИТЬ мудаку мужу, который несправедливо поступил с вами.

— Я предлагаю вам НАКАЗАТЬ этого урода, который сейчас наслаждается обществом молодой жены и детей. А вы находитесь в этой скорлупе, в этой вонючей съёмной берлоге.

— Я не хочу, чтобы вы жили здесь. Я не хочу, чтобы на вас были дешёвые тряпки.

— Я хочу и могу обеспечить вам совсем другой уровень жизни, хочу, чтобы вы сверкали рядом со мной, чтобы вы были любимы, чтобы вы были счастливы с дочерью, со мной.

— И может быть потом — с нашими детьми.

Она скривила губы, как будто съела что-то кислое, и хватала ртом воздух.

Как же ему хотелось этот рот, который она так немилосердно кривила!

Зажать, прикусить, облизать, сначала исследовать пальцами, потом губами и языком, а потом и… Чёрт.

СТОП! Несло его рядом с ней не по-детски.

Он готовился к этому разговору и примерно представлял, что будет, но как же это крышесносно в моменте — видеть её живую и тёплую рядом.

— Детьми? Ты больной. Ты что, ещё и детей от меня хочешь? — подавилась словами она, взирая на него так, как будто он предлагал ей не родить ребенка в законном браке, а как минимум утопить котенка. Что за баба и за что ему всё это?

— Конечно, — ответил он. — Вам захочется ещё ребенка. И я так и быть на это соглашусь.

— Ой, всё, — тряхнула головой она. — Я даже слушать весь этот бред не хочу.

Она даже отвернулась, показывая, что не слышит, не видит, не хочет ни его, ни того, что он предлагает.

Её плечо под растянутой футболкой оголилось — нежная, розовая округлость.

У него задрожали пальцы, так захотелось погладить эту хрупкую и доверчивую часть её тела, но он сдержался.

— Да, и я не смогу больше никого родить, так что ты просчитался. Тебе нужна молодая, красивая и здоровая девушка твоего возраста, со мной у тебя получится облом, никаких наследников, — и она даже улыбнулась, как будто это её веселило.

Она выглядела довольной, как будто сделала его по всем фронтам.

— Елена Петровна, послушайте меня, пожалуйста. И не надо возражать.

— Подумайте ещё раз хорошенько над моим главным предложением, все текущие моменты, касающиеся будущих детей, мы обсудим потом, сейчас главное одно: ПРИНИМАЕТЕ вы моё предложение руки и сердца?

— Если цивилизованно у нас не получится и здравый смысл не возобладает в вашей… голове…

— То что? — перебила она, и её глаза загорелись. — Ты меня убьёшь?

— Нет, конечно, нет, — Максим даже опешил.

— Я меньше всего на свете хочу делать вам плохо или больно.

— Но если вы не захотите по-хорошему дать нам шанс… нашей любви. Вы меня тоже любите. Просто не хотите в этом сознаться себе.

— Тогда я буду бороться с вашими демонами. Другими методами.

Она смотрела с вызовом.

— Какими?

— Вы потеряете всех своих учеников. Тех немногих, что у вас есть.

— Я сделаю так, что они уйдут. Даже те жалкие копейки, которые позволяют вам снимать эту убогую хату, станут недоступны.

— Вы окажетесь на улице. Вы не сможете помогать вашей престарелой матери.

— Я даже могу сделать, что вашу мать выселят - куплю дом, где она живёт, и расторгну договор аренды. Вы останетесь вдвоём с ней на скамейке.

— И тогда вы придёте ко мне сами.

— На коленях, но уже в другом качестве — не жены.

— И я не буду таким добрым и благородным.

— Посмотрим, сколько вам нужно будет меня убеждать, чтобы я сделал хоть что-то из того, что озвучил сейчас.

Наш герой. Визуал.

Максим – 22 года.

Бывший ученик Елена Петровны, наследник крупного бизнеса, вернувшийся из Англии после смерти отца.

Он красив, богат. Но не видел любви в жизни после смерти матери.

Отец был холоден, вокруг — только наёмные люди и бесконечные скандалы в элитных школах.

После очередного конфликта в Англии его сослали в российский лицей. И там он встретил Елену Петровну — единственного человека, который отнёсся к нему не как к проблеме, а с настоящей теплотой.

Для него это стало откровением. Он воспринял это как любовь. И больше никогда не отпускал эту мысль.

У него аутичные черты, гиперфиксация на одном человеке и полное отсутствие социальных табу.

Он не понимает слова «нет» — только «препятствие».

Четыре года он ждал, когда Елена станет свободной и у него появится возможность вернуться в Россию. И теперь он пришёл, чтобы забрать её себе.

Глава 1. 3 часть.

Саундтрек – Xolidayboy "Помни"

Он, конечно, не собирался делать ничего из произнесённой херни.

Ну, может, только ученичков раскидал бы на время.

Чтобы она прочувствовала реальность его угроз, если не согласится.

Но чего не скажешь на эмоциях. Максим хотел как следует припугнуть её.

Елена побледнела, но не отвела взгляда.

— Тебе не кажется, мальчик мой, — зашипела она, и голос её зазвенел от злости,

— Что если мужчина так сильно любит женщину, как ты утверждаешь, то показывает свою любовь, другими способами, нежели угрозы и шантаж?

— Не приходило тебе в голову, что, запугивая, унижая, заставляя кого-то делать что-то против его воли, ты автоматически ставишь крест на хороших отношениях с этим человеком?

— Подумай об этом хорошенько на досуге.

— Я не заставляю тебя отвечать моментально.

— Если бы ты хотел сделать для меня что-то хорошее, как ты говоришь, по великой любви, которую ты хранишь уже четыре года в своём юном сердце.

— Ты просто так помог вернуть дочь и репутацию.

— Всё остальное, мальчик мой — просто похоть.

— Это зажравшийся эгоизм мажора, который никогда не получал отказов.

— И единственный раз, когда женщина постарше ему отказала — причём не просто женщина, а его учительница и педагог, от которой он никогда не видел ничего плохого — он устроил беспрецедентный скандал в школе, который потом исковеркал и испортил её жизнь на хер.

— И именно из-за тебя я оказалась в этом дерьме!

— Ты хочешь, чтобы я по доброй воле влезла в следующее дерьмо?

— Увольте! Не хочется!

Елена говорила всё это на одном дыхании, как будто заготовила речь заранее.

А он почувствовал, как бледнеют его щёки.

Как же выносило его это «мальчик мой»!

Как ему хотелось затолкать эти слова обратно в её рот, но уже другими способами.

Кровь отлила, его захлёстывало. Кулаки сжались.

Какая же она непроходимая и желанная дура!

Она вообще не видит ничего дальше своего носа.

— Это не я, — процедил он сквозь зубы.

— Причиной задницы, в которой вы оказались, Елена Петровна, является ваш распрекрасный любимый муж.

— Это он раздул тот скандал. И я могу вам это доказать.

— Все материалы, которые поступили в дирекцию лицея, были не от меня.

— Они были сфабрикованы. Вашим мужем. И возможно, моим отцом, которому было выгодно рассорить нас навсегда, выпереть вас из лицея и отправить меня в другую страну, чтобы с глаз долой — из сердца вон, как говорится.

— А вашему мужу было выгодно отобрать у вас всё, включая дочь, потому что он уже тогда был влюблён в свою БЕРЕМЕННУЮ СЕКРЕТАРШУ.

Она молчала. Смотрела. Хлопала глазами, не знала, что возразить.

— Даже если так, — сказала она тихо. — В этом нужно разбираться.

— У меня нет таких ресурсов. А ты, как я понимаю, бесплатно и бескорыстно мне ничего делать и помогать не хочешь.

— Поэтому что тут думать?

— Давай останемся при своём. Ты будешь наследником миллионов. А я останусь занюханной училкой в съёмной студии.

— Потому что ничто не может перечеркнуть моего отношения к тебе. Даже все твои ужасные поступки я воспринимаю как юношеский максимализм.

— И буду всегда относиться к тебе хорошо. Как твоя учительница и твой педагог.

— Поэтому давай закончим на этом нашу дискуссию, мой дорогой… запутавшийся мальчик.

ВСЕ!!!

Его крышу снесло на хер. И его накрыло.

Зачем она произносила это слово «мальчик» раз за разом, как будто интуитивно чувствовала, что его от них передергивает.

Сейчас он покажет ей, как вырос мальчик.

Всё, что он сдерживал так яростно эти полчаса, рвалось наружу.

Он хотел по-хорошему.

Правда. Цивилизованно. Договориться.

Но нет, сука, она сама выбрала другой вариант.

Он сделал шаг на нее. Она не отступила — застыла.

Затем второй шаг — и схватил её за плечи, вжал в стену так, что она охнула.

— Ты… — начала она, но он не дал договорить.

Впился губами в ее рот. Грубо, жёстко, сразу языком. Не спрашивая, не нежничая.

Он так долго хотел этот рот. Взять своё.

Она сначала не ответила — губы были сухие, сжатые. Потом вдруг открылась, как будто сама не ожидала. Он почувствовал её язык, вкус — слёзы и дешёвый чай.

И его всего сломало.

От автора:

Дорогие читатели, приглашаю вас в еще одну горячую новинку нашего литмоба "Одержимые любовью"

автор Зоя Берг “Я тебя возьму” (18+)

https://litnet.com/shrt/nDi7

Я тебя возьму
Зоя Берг
Зоя
Я тебя
ВОЗЬМУ

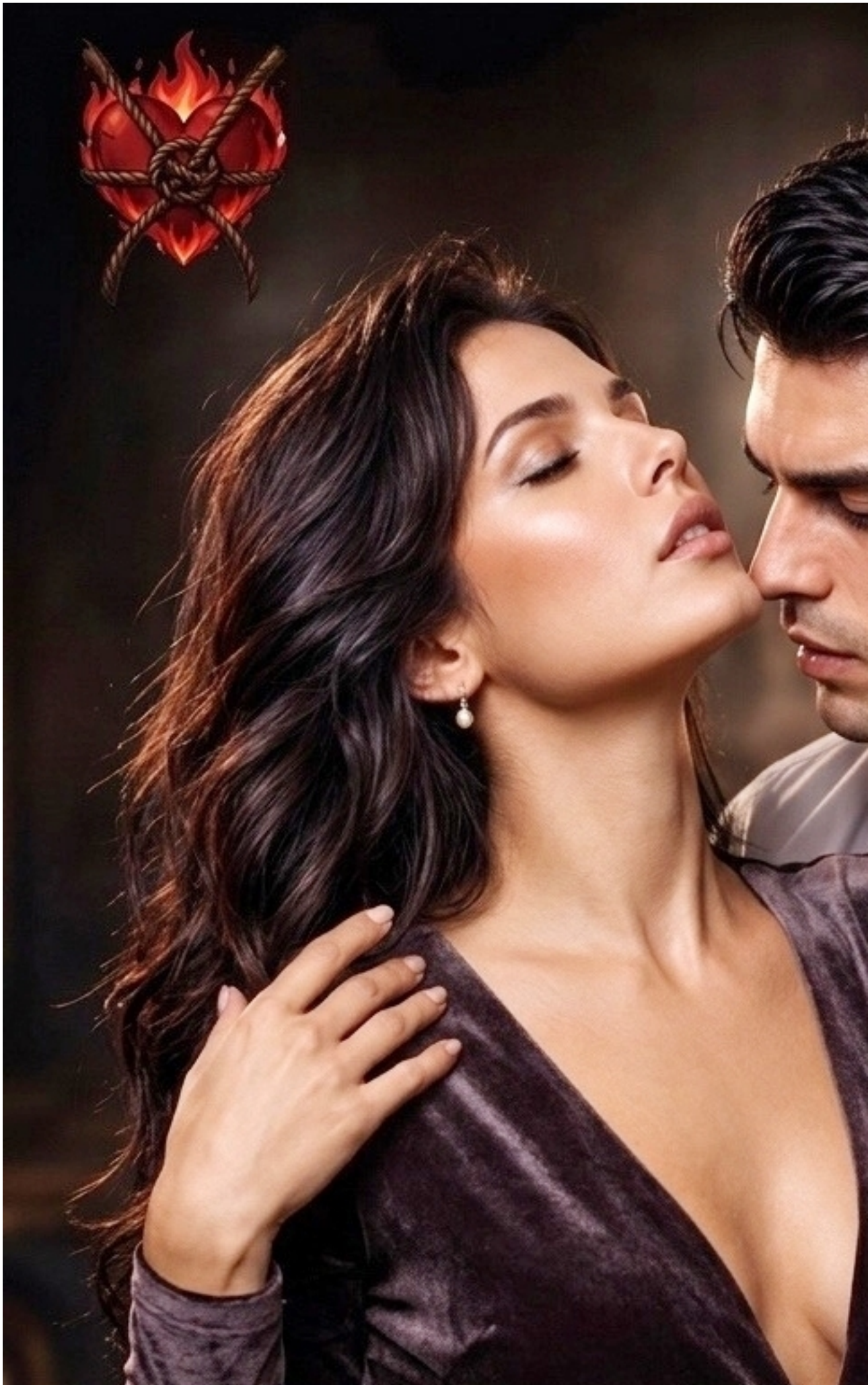
Горячие визуалы героев.

Глава 1. 4 часть.

Саундтрек – Сергей Лазарев «Сдавайся»

Его всего сломало.

Блядь.

Руки затряслись. Всё тело трясло.

Он как будто впервые в жизни целовал женщину.

Четыре года он дрочил на неё, представлял, как она пахнет, как стонет, и трахал других баб.

И вот она, реальная, живая, горячая. Его. Сейчас будет его.

Это какой-то космос!

Максим задрал футболку. Елена попыталась вырваться, но он держал.

Схватил грудь — маленькую, твёрдую. Сосок уже встал, он чувствовал под пальцами. Сжал, надавил, погладил большим пальцем. Она застонала. Тихо, сквозь зубы, но он слышал.

С ума сходил от этого звука. Он просто окаменел внизу, давило в штанах.

Вторую руку опустил вниз. Она дёрнулась, но он уже был там.

Засунул пальцы под трусики. Мокро. Горячо. Скользко. Она вся текла.

Он тёр, она выгибалась, всхлипывала, бёдра сами шли навстречу.

— Нравится? — прошептал он в губы, почти не отрываясь.

— Нравится, как я тебя трогаю, а не тот мстительный импотент, за которым ты была замужем четырнадцать лет?

Она не ответила. Только дышала. Часто. Подавалась бёдрами.

Он чувствовал, как её пальцы впивались в его плечи, но не отталкивали.

Макс подумал — всё, сейчас сломается.

Сейчас он возьмёт её прямо здесь, у грёбаной стены, потом закрепит на кровати.

Он был готов уже войти в неё, почувствовать, как она сожмётся вокруг него.

И вдруг.

Сначала укус.

Сильно. Больно. Он почувствовал вкус крови во рту.

И когда он отодвинулся, прилетел удар — один, второй.

Искры из глаз. Он отшатнулся, как ошпаренный.

— Зверёныш! — заорала она.

— Мразь! Ты думал, я куплюсь на эти обещания?!

— Думал, поманишь дочкой, и я раздвину ноги?!

— Да чем ты лучше того мстительного импотента, за которым я была замужем? Чем, скажи мне?

Она толкнула его в грудь с силой, которую он, блядь, не ожидал от её комплекции — откуда только взялась?

Она ведь худенькая и хрупкая, да от той Елены Петровны, которая была в лицее, сейчас вообще осталась половина.

— Слушай меня, урод! Пусть у меня отберут всех учеников и средства к существованию.

— Последнюю грёбаную студию.

— Ничего. Я пойду мыть полы в подъезде, мне уже всё равно!

— Пусть я буду ночевать в подворотне! Пусть для Ани я навсегда буду мамой выходного дня, а моя мама… — и она всхлипнула.

— Но с таким моральным выродком, как ты, я не лягу!

— Никогда! Ни за что! Ты слышал? Даже не надейся!

— А теперь пошёл вон!

Она стояла, расставив ноги, руки в кулаках. Вся дрожала. Глаза горели — не страхом, яростью.

Макс не узнавал её.

Его сдержанная и правильная Елена Петровна, всегда аккуратная и интеллигентная, превратилась в фурию.

Как она была прекрасна!

Как он хотел её сейчас!

До вспышек перед глазами, до вздувшихся вен на руках и других частях тела.

Вот такую взъерошенную в праведном гневе.

Хотел смести, подавить, пометить и сломить, а потом утешить и зализать раны.

Он всегда знал, что под этими элегантными костюмами строгой учительницы скрывается пламя. И он это пламя вытащит.

Пока не знал как, но она будет его.

Сейчас он уйдёт, не потому что испугался.

Он сильнее и может спокойно сломить её.

Но он чувствовал, что нужно дать ей время подумать.

Она спустила пар на нём и дальше будет до бесконечности мотать в голове мысли о возвращении ребенка.

Время сейчас его союзник, главное — не напылить и всё не испортить.

Как бы ему ни хотелось трахнуть её сейчас и получить чудовищные по силе эмоции.

Он не будет торопиться.

Он может подрочить и сам или заказать дорогую шлюху, похожую на неё, но вот всё испортить с Еленой сейчас он не имел права.

Макс медленно выпрямился.

Щека горела, на губе была кровь — от её укуса.

Член всё ещё дурел в штанах, голова шла кругом, руки подрагивали.

Она не сломалась. Она была сильнее, чем он думал.

— Хорошо, — сказал он ровно, хотя внутри всё кипело. — Я уйду пока.

Он пошёл к двери, взялся за ручку. Оглянулся:

— Но всё равно ты будешь моей, Лена.

— Ты уже моя, только борешься с собой.

— Подумай хорошенько о моём предложении.

— Такими предложениями не разбрасываются. Я вернусь. Мы всё равно будем вместе.

Он вышел в подъезд, облизал губу.

Как же больно, но это её укус, и он был для него приятен.

Закурил. Руки тряслись.

Ему это нравилось. Как же ему это нравилось!

И бесило одновременно, потому что он не мог получить того, чего так долго ждал.

Только с ней он испытывал такие невъебенные эмоции.

Больше ни одна грёбаная тёлка в мире не могла ему их дать.

Но игра стоила свеч!

Дорогие читатели. Если вам нравится история, то:

Добавьте книгу в библиотеку— чтобы не потерять.

⭐ *Поставьте звезду*на главной странице — это лучшая награда для автора.

Подпишитесь на автора, чтобы не пропустить новые главы.

Я очень жду ваших комментариев!

Спасибо, что читаете! ##

Глава 2. Тигрица

Саундтрек – Иракли, Lika Star«Luna»

Дверь за ним захлопнулась.

Я стояла посередине комнаты и смотрела на неё, как дура.

На дверь. На себя. На свои трясущиеся руки.

Что это было?

Я выпала. Просто выпала из реальности. Четыре года тишины — и вдруг он здесь.

Стоит на пороге моей студии, пахнет дорогим парфюмом и деньгами, и смотрит так, будто я должна ему по гроб жизни.

Я о нём забыла. Честно.

Ну, почти. После всех передряг, что на меня свалились, как мне казалось по его вине, я старалась забыть того, кого не хотела ненавидеть.

Иногда, когда засыпала, всплывало лицо — красивый мальчик с пустыми глазами, который читал на уроке Достоевского и смотрел так, что мне хотелось укрыться платком, тот кто являлся причиной всех моих несчастий, так я думала до сегодняшнего дня. Он потом уехал в Англию, вырос, успокоился. У него там девушки наверное, универ, тусовки. Какая ему разница до какой-то училки, которую из-за него выперли из лицея?

А вот какая, оказывается.

Навязчивые подростковые состояния могут перерастать во взрослую одержимость, цитируется от куда-то из подкорки мозга.

Я провожу ладонями по лицу.

Щёки горят — не от его поцелуев.

От пощёчин, которыми я его огрела.

Кошмар, я его била.

Я била мужчину, который выше меня на голову, шире в плечах, тяжелее килограммов на тридцать. А он стоял и смотрел. Как побитая собака. Нет, не собака. Волк, которого ударили в первый раз в жизни.

А нечего было ко мне лезть!

Я вспоминаю его лицо в тот момент, когда он входил первый раз в класс.

Каким он был раньше? Худой, сутулый, подростковая грация — угловатый, как молодой жеребёнок.

Красивый, да. Я это заметила в первый же день.

Мать у него была моделью, чуть ли не знаменитостью, понятно, в кого пошёл сын.

Но тогда его красота была детской, нестрашной.

А сейчас…

Сейчас он вырос. На голову.

Я смотрела на него снизу вверх, как на гору. Плечи широченные.

Руки — жилистые. И этот запах…

Я чувствую его до сих пор. Дорогой парфюм, табак и что-то дикое. Мускус, что ли? Вадик так не пах никогда.

О, не хочу сейчас еще и бывшего мужа вспоминать, Сгинь!

Макс прижимал меня к стене. Целовал. Я позволила.

Я сама, позволила ему засунуть язык мне в рот! И отвечала.

Я помню, как мои руки вцепились в его плечи — не оттолкнуть, а удержать. Ой, даже вспоминать стыдно, что на меня нашло?

Что я творила? А пальцы в трусах, ужас…..!!!

Лена, ты дура?

Я знаю, почему это произошло. Медицинское объяснение есть.

Преждевременный климакс — вот что мне подарили нервы после тяжелейшего развода. Два года не могла прийти в себя.

Сначала перестали идти месячные.

Пошла к гинекологу, а мне: «Ранний климакс, Елена Петровна. Вам нужно наблюдаться, пить гормоны, восстанавливать фон».

Я не пила. Денег не было. Да и зачем?

Кому я нужна с этим фоном?

А потом началось другое. Меня стало накрывать.

Желание — дикое, неконтролируемое, животное.

Книга “Когда тебя нет рядом” промокод rE25s0QD

Я еду в автобусе, смотрю на поручень — чья-то мужская рука держится, крупная, жилистая, в мелких таких волосках, а меня трясёт.

Так хочется, чтобы эти руки погладили меня. Чтобы прижали. Чтобы сделали больно и сладко одновременно. Я ведь даже не вижу в толкучке хозяина этих волосатых рук, но меня колбасит.

Я ненавижу себя за это. Ненавижу своё тело, которое сошло с ума на фоне гормонов. Но ничего не могу поделать. Какой-то чудовищный диссонанс творится с моим телом, как и со всей жизнью, где я так нагрешила?

Поэтому сегодня в коридоре, когда он прижал меня к стене, я не оттолкнула сразу. Я дала ему почти всё.

Потому что хотела.

Потому что три года никто не трогал меня так.

Потому что его руки — это сила и молодостью, от которой у меня, старой клячи, закружилась голова.

Но я очнулась. Вовремя. Хорошо, что вовремя.

Теперь я стою здесь и думаю. Он предлагает мне сделку. Дочь. Деньги. Репутацию. Жизнь, о которой я могла только мечтать. И цену назвал: моё тело, моя жизнь, моя свобода.

Дорогие читатели. Если вам нравится история, то:

Добавьте книгу в библиотеку— чтобы не потерять.

⭐ *Поставьте звезду*на главной странице — это лучшая награда для автора.

Подпишитесь на автора, чтобы не пропустить новые главы.

Я очень жду ваших комментариев!

Спасибо, что читаете! ##

Глава 2. 2 часть.

Саундтрек –Гости из будущего«Лучшее в тебе»

Он предложил стать его женой. Рожать его детей.

Ну с этим наш мальчик попадет в просак, потому что никого родить я ему не смогу, да и не захочу никогда.

Лежать с ним в одной постели.

Правда, не думаю, что на долго нашего мачо хватить.

Так, собьет охотку, по свежему следу, добьется того, чего так долго ждал и остынет.

Ну что я не потерплю пару раз?

Не думаю, что на большее его хватит.

Ради возвращения дочери ведь можно потерпеть не с уродом каким-то старым и жирным, а с молодым, отменным самцом?

Казалось, бы в нашем мире, когда все продается и покупается, не такая и большая цена?

Нет, Нет, и нет! Бррр.

Я не смогу, это выше моих сил, как потом я буду уважать себя?

Как соберу по кускам. Нельзя даже думать о согласии. Это больной бред.

Но зато я получу? Анечку. Мою девочку, мое солнышко. Ту, которую у меня отобрали четыре года назад.

Я вспоминаю тот день. Суд. Муж сидел напротив — в костюме от Brioni, с новым юристом, с новой улыбкой.

А я — с опухшим лицом. Он сказал судье, что я — неблагонадёжная мать. Что у меня роман с несовершеннолетним учеником.

Что я порочная женщина, которая не может воспитывать ребёнка, он предоставил доказательства, свидетелей. И судья поверила. Потому что у него — связи, деньги, знакомства. А у меня — только правда, которой никто не хотел слушать, как бы я не кричала в суде, меня просто вывели с заседания. Я вообще испугалась, что Вадик меня в психушку посадит, ведь это еще больше упрощала ему жизнь. И я взяла себя в руки, не сразу, но взяла.

Они отобрали Аню.

Сказали — будешь видеться раз в неделю.

Первое время я приезжала, а потом уезжала, а она плакала, тянула ко мне руки, кричала «мама». А няня уносила её в другую комнату. Потом она привыкла. Перестала плакать. А мое сердце до сих пор обливается кровавыми слезами. Стала Аня называть чужую тётю «мамой»? Не знаю. Я не спрашиваю. Боюсь услышать правду.

Я сидела тогда в этой студии, на полу, обхватив колени, и выла. Вой волчицы, которая потеряла волчонка. Я не знала, как жить без своей девочки. Мы вместе купались, вместе ели, вместе спали. Я читала ей сказки, а она засыпала у меня на груди. А потом — пустота. Тишина. Четыре года пустоты.

И вот приходит он, этот бешеный мальчик, и говорит: «Я верну тебе дочь».

Как легко! Как просто!

Наверное, для него это просто. Деньги, связи, адвокаты — он может всё.

А я? Что я могу без него? Ничего.

Продолжать снимать эту конуру, натирать мозоли дешёвым порошком, проверять сочинения двоечников и мечтать о том, как Аня когда-нибудь вырвется от отца и придёт ко мне сама.

Заманчиво. Чёрт возьми, заманчиво.

Но цена — я сама. Моё достоинство. Моё право сказать «нет».

Я не могу. Не могу лечь с ним.

Даже ради Ани. Потому что, если я сейчас сломаюсь, я никогда себе этого не прощу.

Я буду жить с ним, ненавидя его, ненавидя себя за слабость.

И Аня вырастет и узнает, что её мать — продажная тварь.

Нет. Лучше уж воскресная мама, чем такая.

Я подхожу к окну, смотрю на двор-колодец. Темно. Только фонарь мигает, как умирающий светлячок.

— Бедный мальчик, — шепчу я. — Он же сирота. Мать погибла, когда он был ребёнком. Отец — только что. И кому-то это выгодно?

— Каким-то серьёзным людям, которые хотят оттяпать его бизнес. А он вместо того, чтобы спасаться, нанимать охрану, разбираться, лезет ко мне.

— Ненормальный. Он может навлечь на меня опасность. Его же могут убить следующим, а я буду рядом. Глупый, глупый мальчик!

Я вздыхаю.

Мне его жалко. Правда жалко.

Он как щенок, который бежит за кошкой, не видя машины.

Но я — не кошка. Я — старая, битая жизнью баба.

У меня целлюлит на заднице, гусиные лапки у глаз, попа начала свисать — надо качать.

И талию, и живот, и бёдра… Стоп. Зачем? Для кого? Чтобы ему понравиться? Да пошёл он. Нет. Не бывать этому!

Я отхожу от окна, проверяю замок. Потом ещё раз.

Потом дверь подпираю стулом. Глупо, конечно.

Если он захочет войти — выломает эту хлипкую дверь.

Но что-то мне подсказывает: он не вернётся сегодня. Не такой он дурак. Он всё обдумает. Придумает новый план. И тогда…

Тогда я должна быть готова.

Ложусь на диван, накрываюсь пледом. В голове — каша. Дочь, Максим, муж, скандал в лицее, деньги, угрозы, его пальцы внутри меня, его запах, его голос: «Я верну тебе дочь»…

Засыпаю. И вижу во сне Анечку.

Она смеётся, бежит ко мне по зелёной траве. А за ней, в отдалении, стоит Максим и смотрит. Молча. Серыми глазами.

Просыпаюсь в холодном поту.

Дорогие читатели, приглашаю вас в еще одну мою горячую новинку
"Ошибка в контракте"
https://litnet.com/shrt/gDO_

Сначала он подумал: это шутка.

Или ошибка. Или проверка на профпригодность. Потому что та, что вошла в зал ресторана, никак не могла быть кандидаткой в жёны. Даже фиктивные.

Платье. Боже, что это за платье — ситцевое, в мелкий цветочек, с воротничком, который явно был моден лет пятьдесят назад. Волосы собраны в пучок, из которого выбились непослушные пряди. На щеке — пятно. Краска.

Она что, перед выходом картины писала?

Двадцать четыре года, значилось в анкете. Сейчас, глядя на неё, он бы дал все восемнадцать. Маленькая, щупленькая, в этом чудовищном платье. Кожа бледная, руки тонкие, без

намёка на маникюр, с заусенцами. Она выглядела как пугало, которое сбежало с огорода и забрело в дорогой ресторан.

Марк прокрутил в голове свои критерии. Женщина рядом с ним должна быть взрослой, ухоженной. Она должна уметь держать спину, не смущаться деловых ужинов. Она должна быть активом, а не обузой. А это… это была катастрофа.

Он уже открыл рот, чтобы вежливо сказать: «Мне кажется, вы ошиблись. Я ищу женщину. Взрослую. Серьёзную».

А потом она подняла глаза. И он забыл всё, что хотел сказать…

Глава 3. Ярость

Саундтрек – Моя Мишель "Лети пташка"

Утро началось странно.

Я проснулась чувствую себя, не как обычно, когда после бессонной ночи с трудом открываешь глаза и первая мысль: «Зачем просыпаться?»

Нет — сегодня я открыла глаза, и внутри что-то шевельнулось.

Лёгкое, почти забытое. Будто кто-то качнул качели в груди.

Я полежала, глядя в потолок. Вспомнила вчерашнее.

Визит моего бывшего ученика… И то, как я его отшила. Как била по щекам. Как орала.

И он ушёл — взбешённый, униженный, но не сломленный. Такой не сломается. Он вернётся. Я знаю.

Сегодня мне не хотелось думать о нём.

Сегодня я чувствовала себя живой.

Четыре года депрессии, апатии, тоски по дочери — и вдруг это странное, почти радостное возбуждение. Как будто кто-то воткнул вилку в розетку и по проводам побежал ток.

Неужели из-за него?

Из-за этого ненормального мальчишки, который ворвался в мою жизнь как ураган опять? Нет, не может быть, я не могу быть такой непроходимой дурой.

Ладно бы был какой-то достойный мужчина, хотя последнее время попадались одни козлы.

А тут мальчишка и внутренняя нимфа вдруг ожила.

Ну он, конечно, еще тот мачо, брутальный, красивый, эх, где мои 20 лет, но он же мелкий совсем, я не в плане размеров, я про развитие, про жизненный опыт.

Ну о чем с ним можно разговаривать? Не о мотиках и телках же?

Я встала, подошла к зеркалу. Оно висело в коридоре, дешёвое, в тонкой пластиковой раме. И отражало женщину, которую я почти не узнавала.

В принципе, красивая баба была когда-то.

Я никогда не была уродиной.

Глаза — серо-голубые, с поволокой, как раньше говорил бывший. Волосы — каштановые, сейчас чуть поредели от стресса. Но лицо… Боже, как я себя запустила. Мешки под глазами — хоть картошку сажай.

Кожа серая, без тонуса. Гусиные лапки — да, они уже обозначились, и ни один крем их не уберёт.

Как Максим вчера это не увидел? Это же просто трешак!

— Мать, ну ты и даёшь, — сказала я своему отражению. — Так нельзя.

Порылась в ящиках. Нашла патчи — китайские, заказанные когда-то по акции, срок годности ещё не вышел. Наклеила под глаза. Почувствовала себя героиней дешёвого блога.

Потом — душ. Я стояла под горячими струями и чувствовала, как тело просыпается. Плечи, спина, ноги — всё ныло от вчерашнего напряжения, но эта боль была почти приятной. Я взяла мочалку, растёрла кожу до розового цвета. Потом вылезла, закуталась в полотенце и решила: надо делать гимнастику.

Осторожно, со стоном. Потянула шею — хрустнуло.

Наклоны в стороны — позвоночник заскрипел, как несмазанная дверь.

Приседания — колени хрустнули так, что я испугалась, не посыпались ли они. Но я продолжила. Пять минут, десять. Тело оживало. Горело приятным жаром.

— Надо было раньше начать, — прошептала я.

Потом — волосы. Отросшие корни уже на два сантиметра, седина пробивается…

Я нашла на полке тюбик краски — коричнево-золотистую, купленную ещё полгода назад. Нанесла, выждала, смыла. Потом бальзам. Волосы заблестели, цвет стал глубже, живее.

Я смотрела на себя в зеркало и не узнавала. Будто кто-то другой смотрел на меня — моложе, смелее, с огоньком в глазах.

В голову закралась мысль: а что, если… если он прав?

Если я могу что-то изменить?

Я тут же отогнала её. Не смей, Лена. Не смей даже думать об этом.

Телефон пиликнул. Я взяла его, открыла чат — тот самый, с сайта знакомств.

«Елена Прекрасная» — смешной ник на сайте знакомств, я зарегистрировалась, когда одиночество стало совсем невыносимым.

Переписывалась с несколькими, но всё как-то вяло.

А тут… мужчина. Игорь. Сорок один год, разведён, работает в каком-то IT-отделе, на фото — симпатичный, с бородкой, в очках.

Переписывались неделю, он был вежлив, остроумен, не лез с пошлостями.

И вчера, как назло (или как на счастье), пригласил в кафе.

Я тогда, после визита Максима, даже не думала отвечать. А сегодня…

Сегодня я набрала: «Да, давайте встретимся. Во сколько?»

Книга “Ошибка в контракте” промокод u-2o0Bed

Он прислал адрес. Сказал, что будет в шесть.

Два часа я посвятила урокам. Двое учеников — онлайн, один готовился к ЕГЭ по литературе, другой просто подтягивал русский. Я вела занятия механически, но сосредоточенно — это было моим якорем, моей работой, моими жалкими копейками. Но мысли всё равно улетали. Туда, где вчера меня прижимали к стене.

К пяти я надела единственное приличное платье — чёрное, трикотажное, купленное ещё до развода.

Оно обтягивало, но не вульгарно. Туфли на низком каблуке — на высоких я бы не устояла.

Лёгкий макияж: тональный крем, тушь, помада — нейтральная, розовая. Посмотрела на себя в зеркало — ничего. Не супермодель, но и не пугало.

Деньги — только на кофе. На большее не хватит. Я положила в сумочку тысячу рублей и вышла.

Кафе находилось в центре, маленькое, уютное, с живой музыкой по вечерам. Я пришла первой, села за столик у окна, заказала минералку. Ждала.

Визуал героев

Глава 3. 2 часть.

Саундтрек – NЮ " Такая красивая"

Игорь вошёл через пять минут. Узнала его сразу — такая же бородка, такие же очки, как на фото. Он был выше меня на полголовы, плотный, с лёгким залысинами. Улыбнулся, пожал руку — мягко, как-то неуверенно.

— Елена? Очень приятно. Выглядите… прекрасно.

— Спасибо. Вы тоже, — ответила я, хотя врала.

Он был обычным, никаким.

Он сел напротив, взял меню, начал листать. Я тоже взяла. Но не могла сосредоточиться на строчках — мысли метались.

— Что будете заказывать? — спросила я, чтобы прервать молчание.

— Да я, знаете… может, салат? А вы?

— Я, наверное, только кофе. Не хочется есть.

Он кивнул, но как-то уклончиво. Позвал официанта и… начал мяться.

Смотрел в карту, что-то бормотал про «подумать».

Официант ушёл, а он так ничего и не заказал. Я почувствовала неловкость. То ли он жадный, то ли стеснительный.

— Давайте просто кофе, — сказала я, чтобы разрядить. — Я плачу за себя.

— Что вы, что вы, — засуетился он. — Я…

Но не закончил.

Дверь кафе открылась, и внутрь ворвался холод.

Буквально — порыв ветра, а за ним — он.

Максим.

Я узнала его сразу, хотя он был в тёмном пальто, с поднятым воротником.

Но походку, эту его хищную, текучую походку, я ни с кем не спутаю. Он шёл прямо к нашему столику, и я видела, как сжались его челюсти, как горели глаза — бешеные, почти белые от ярости.

— Елена Петровна, — сказал он, не здороваясь. Голос — ровный, но я чувствовала, какая сталь под ним. — Какая неожиданная встреча.

— Максим… — начала я, но он меня перебил.

Кивнул Игорю, который смотрел на него с удивлением:

— Освободите место.

— Извините, мы… — Игорь попытался возрасти, но Максим даже не взглянул на него.

Он сел за наш столик, прямо напротив меня, сдвинув Игоря буквально плечом. Положил локти на стол, сцепил пальцы. Я видела, как ходят желваки.

— Елена Петровна, — повторил он, и в голосе зазвучала сталь.

— Я, блядь, попросил вас подумать над мои предложением. А вы что делаете? На свидания ходите?

— Это не свидание, — сказала я, хотя поняла, как глупо это звучит.

— А что? — он повысил голос, и несколько человек в кафе обернулись.

— Кофе пьёте с левым мужиком? Ноги перед ним раздвинуть собрались? Пока я вам тут предложение делаю, женой зову, дочь обещаю вернуть?

Игорь побледнел. Он встал, собираясь уйти. Максим даже не посмотрел в его сторону.

— Подождите, — сказала я, но Игорь уже пятился к выходу, бормоча что-то про «не в своём уме». Кажется, он заметил через окно машину Максима — чёрный внедорожник, кото-

рый стоил больше, чем вся его жизнь и был припаркован так, что загораживал всем дорогу. Игорь понял, с кем связался.

Дверь за ним закрылась. Мы остались вдвоём.

— Ты что творишь, ненормальный? — зашипела я на него. — У тебя совсем стыд потерян? При всех…

— А мне плевать на всех, — оборвал он. — Мне плевать на этих людей, на официантов, на твоего ухажёра. Только на тебя мне не плевать.

— Я тебя увидел с ним — и меня накрыло. Понимаешь? Я ехал по городу, думал, как к тебе подкатить, с какой стороны зайти, чтобы ты меня не послала. И тут вижу — ты сидишь с каким-то мужиком. Улыбаешься ему. Глазки строишь. В платье этом, волосы распустила…

Его голос сорвался. Он сжал кулаки.

— Я чуть в столб не въехал, блядь. Я чуть не убил кого-то на дороге, когда увидел вас в окне.

Он замолчал. Руки дрожали. Я видела, как его трясёт — всего, как в лихорадке.

— Ты ревнуешь? — спросила я тихо.

— Да. Я с ума схожу, — выдохнул он. — Я хочу тебя вые…ть прям здесь, на этом столе, чтобы все видели, чья ты. А потом увезти, запереть дома и не выпускать. Чтобы никто, слышишь, никто не смел на тебя смотреть. Только я.

— Ты ненормальный, — повторила я, и голос мой дрогнул.

Книга “Когда тебя нет рядом” промокод ehAKhLX1

— Да, — согласился он. — Я ненормальный. Но я не сделал тебе ничего плохого. Я тебя пальцем не тронул против твоей воли.

— Вчера ты меня отшила — я ушёл. Не вернулся, не ломился.

— А ты? Ты же знаешь, что я тебя люблю.

— И ты сразу, как только я за дверь — на свидание?

— Зачем, Лена? Зачем ты себя так ведёшь?

— Я тебе ничего не обещала, - сказала я.

Он встал, обошёл стол и сел рядом. Близко. Я чувствовала его тепло, его запах. Он взял меня за руку — я не сопротивлялась. Пальцы у него были горячие, сухие.

— Дай мне шанс, — сказал он тихо. — Просто шанс. Давай повстречаемся. Поговорим. Не торопись с ответом. Если через месяц ты скажешь «нет» — я исчезну. Но не надо так… не надо с другими. Пожалуйста.

Я посмотрела на его лицо. Вблизи были видны морщинки у глаз — рано для двадцати двух, но жизнь не сахар.

И всё равно он был красив. Он был очень красивым мальчиком, который отчего-то решил, что нуждается в старой, битой жизнью женщине, вроде меня.

— Максим, — начала я. — Я не могу…

— Можешь, — перебил он. — Просто скажи «да». И всё.

В кафе играла тихая музыка. Горели свечи на столах. За окном темнело.

— Хорошо, — сказала я. — Давай один ужин вместе. Но без твоих игр, без шантажа, без угроз. Но я ничего тебе не обещаю.

Он выдохнул — так, будто сбросил с плеч тонну. Кивнул, поднёс мою руку к губам и поцеловал. Сухо, но долго.

— Спасибо, — прошептал он. — Ты не пожалеешь.

— Я уже жалею, — ответила я, но улыбнулась. Сама не знаю зачем.

Дорогие читатели. Если вам нравится история, то:

Добавьте книгу в библиотеку— чтобы не потерять.

⭐ *Поставьте звезду* на главной странице — это лучшая награда для автора.

Подпишитесь на автора, чтобы не пропустить новые главы.
Я очень жду ваших комментариев!
Спасибо, что читаете! ##

Глава 4. Красный туман

Саундтрек - NЮ «Безумный»

Ранее до сцены в кафе.

По городу ехал чёрный внедорожник.

Максим сидел за рулём. Тяжёлый день, сука. Переговоры, на которых его пытались развести и вывести из терпения старые волки из совета директоров.

Совещание, где он разосрался с финансовым директором, он ненавидел дармоедов и лодырей.

Бесил и телефон, который разрывался от звонков адвокатов и консультантов.

Отец оставил империю, но не оставил инструкцию, как ей управлять, когда тебе двадцать два и полкомпании ненавидят тебя за то, что ты — сынок, который получил всё на блюдечке.

— Уёбки, — пробормотал он, выруливая на центральный проспект. — Все вы, блядь, уёбки.

Единственная светлая мысль, которая грела его сегодня — Лена.

Елена Петровна. Что она делает? Сидит в своей студии? Проверяет сочинения? Пьёт дешёвый чай и смотрит в окно?

Он хотел к ней. Сразу после переговоров.

Но вспомнил вчерашнее — её пощёчины, её крик, то, как она отшвырнула его от себя.

И решил: не сегодня. Пусть успокоится.

Он приедет завтра. С цветами. Без шантажа. Просто поговорит еще раз, скажет, что нашел хорошего адвоката для нее, чтобы вернуть дочь.

— Да, блядь, просто поговоришь с ней, как же? — усмехнулся он. — Она начнет пороть херню, и тебя опять понесет.

— Пар что ли спустить со шлюхой? Что бы вот так не лажать?

Он повернул голову, посмотрел на витрины кафе, мимо которых проезжал. И замер.

Она!

Елена сидела у окна. В чёрном платье, с распущенными волосами, чуть склонив голову. А напротив неё — мужик. Какой-то мудак с бородкой, в свитере, который сидел на нём, как на корове седло.

Она ему улыбалась. Нет, не улыбалась — напряжённо смотрела. Но этот мудак что-то говорил и она слушала.

Максим вдавил педаль тормоза. Внедорожник замер посередине полосы. Сзади засигналили, кто-то объехал, кто-то затормозил, водитель сзади выскочил, заорал, размахивая руками.

— Пошёл ты на хер! — рявкнул Максим, даже не глядя.

Резко крутанул руль, вылетел на бордюр, заглушил двигатель. Выскочил из машины, даже не закрыл дверь. Не слышал, как кто-то снова засигналил, как залаяла собака на тротуаре. Он видел только её.

Красный туман застил глаза.

— Что же это происходит? Я только вчера перед ней изголялся, мат, всю душу выворачивал, замуж звал, а она вот так мне, оплеуху.

— Что за дура непроходимая? Сейчас, блядь, подойду. Этого уёбка — в рыло.

— Её — схвачу за шкирку, засуну в машину, увезу домой. Посажу на хрен на цепь, буду трахать, пока не перестанет дёргаться. Пока не поймёт, что она моя. Только моя, сука, никому не отдам!

Он шёл, не разбирая дороги. Расталкивал прохожих. Кто-то оглянулся, кто-то отшатнулся — видок у него был тот ещё: глаза бешеные, скулы ходят, кулаки сжаты.

Он влетел в кафе, с грохотом отодвинул стул, сел за их столик. Даже не посмотрел на мужика. Только на неё.

— Елена Петровна, добрый вечер, — сказал он, и голос его прозвучал как сталь, которой режут глотки.

А потом он уже плохо понимал, что говорил и творил.

Книга “Развод. Терапия чувствами” промокод 9qCYXzHN

Мужика он запугал так, что, тот выскочил из-за стола, забыл на стуле шарф, опрокинул стул, и выбежал на улицу, даже не оглянувшись.

Максим сел на его место. Напротив Елены. Они смотрели друг на друга — она с ужасом и злостью, он с бешенством, которое начинало утихать, сменяясь чем-то другим. Голодом. Жаждой.

Потом у них, кажется, получилось договориться в этот раз попробовать повстречаться немного, на один ужин Лена точно согласилась и добавила.

— Не нужно этого спектакля на людях, Максим. Увези меня отсюда. Пожалуйста. Не хочу, чтобы на нас смотрели.

— Сейчас я схожу в дамскую комнату и мы уедем.

Максим моргнул. Ярость схлынула, сменилась удивлением.

— Что?

— Увези. Отсюда. Куда хочешь. Только уйдём.

Он кивнул. Она встала и обогнув столики вышла в другое крыло кафе.

Максим сидел и смотрел на свои руки. Они все еще дрожали.

Его бурная реакция на Елену Петровну сначала до усрачки его пугала в 11 классе.

Только спустя время он начал к ней привыкать и хоть как-то мог контролировать.

На всех остальных людей, включая отца, Макс реагировал очень спокойно, пофигистически.

А все началось почти сразу.

Максим тогда прилетел из Англии злой, как собака.

Отчислили, сука. За что?

За то, что послал на хер училку, которая лезла не в своё дело. Ну, и за пару драк.

Но формально — «несоответствие академическим стандартам».

Отец, когда узнал, рвал и метал, орал по телефону, что он позор семьи, что из элитного колледжа выперли, как последнего дебила.

А Максим сидел в самолёте и думал: «В какую же захудалую дыру я лечу? Какая-то российская школа, какие-то недоумки с их ЕГЭ, с их тупыми учебниками. У меня IQ выше, чем у всей этой швали вместе взятой. У меня английский — носитель. Зачем я буду там?»

Отец решил его проучить. Никакого частного пансиона, никаких репетиторов. Обычный лицей. Пусть, блядь, понюхает, как живут простые смертные.

Максим зашёл в класс. Первым уроком была литература. Он опоздал специально — чтобы никто не думал, что он тут хочет знакомиться с кем-то.

Открыл дверь, буркнул что-то типа «Извините». И поднял глаза.

Она стояла у доски. Елена Петровна.

В простой блузке, с мелом в руках.

Ничего особенного — так, обычная училка, каких тысячи.

Но что-то было в её взгляде. Когда она посмотрела на него — не строго, не осуждающе, а как-то… по-человечески. Будто увидела не наглого мажора, а просто парня. И улыбнулась.

Эта улыбка… Она озарила всё вокруг. В классе было серо, скучно, пахло мелом и дешёвыми духами. Но когда она улыбнулась, Максим почувствовал, как внутри что-то натягивается, сначала слабо, потом все сильнее и сильнее. И тянется до такого уровня, что может лопнуть, а что потом будет он не знал.

— Здравствуйте, — сказала она. — Проходите, садитесь. Вы, наверное, Максим? Я слышала о вас от директора. Добро пожаловать в наш лицей.

Он ничего не ответил. Прошёл на последнюю парту, сел, уставился в окно.

Но сам потом смотрел на неё.

Краем глаза, боковым зрением, всей кожей.

Как она ходит по классу, как поправляет волосы, как объясняет «Преступление и наказание».

Он думал: «Ни хрена себе. Откуда в этой дыре взялась… такая милфа?»

Он не мог объяснить, что именно его зацепило.

Не красота — она не была моделью. Не возраст — ему было пофиг, сколько ей лет. А что-то другое. Доброта. Искренность. Она смотрела на него не как на объект, не как на сынка олигарха, не как на кошелёк. Она видела в нём человека. Впервые после смерти матери кто-то смотрел на него не как на проблему или на дойную корову.

Рядом с ним всегда были только отцовские шлюхи, которые лезли под одеяло за деньги. Домработницы, которые боялись лишний раз вздохнуть. Гувернантки, которых он ненавидел. И мелкие дуры из школ — одноклассницы, готовые отсосать за один его ленивый взгляд. Все они хотели чего-то от него: денег, внимания, статуса. А она — ничего. Она просто улыбнулась по-доброму и продолжала вести урок.

Максим просидел весь урок, не проронив ни слова.

Пялился на неё, как ненормальный. Ни слова не слышал из учебного материала. Запоминал каждую ее черту. Как она наклоняет голову, как кусает губу, когда задумывается, как поправляет выбившуюся прядь.

Когда прозвенел звонок, он вышел из класса и прислонился к стене. Сердце колотилось так, будто он пробежал стометровку.

— Твою мать, — прошептал он. — Что это было?

Он тогда не знал, что эта женщина перевернёт всю его жизнь. Что он будет думать о ней каждую ночь, дрочить на её фотографии из соцсетей, и ненавидеть себя за это. Что через четыре года, когда она разведётся и останется без всего, он вернётся и захочет сделает её своей. Любой ценой.

Сейчас, в кафе, он сидел и ждал ее возвращения. Которое, мат, как-то уж сильно затягивалось.

Глава 5. Подруга

Саундтрек – Моя Мишель «Ветер меняет направление»

Чёрный ход. Спасибо тебе, дешёвое кафе с невкусным кофе, — оно спасло меня от него. Хотя бы на время. Я сразу заметила этот второй выход, когда в начале ходила помыть руки перед встречей с Игорем.

Я выскочила на улицу так быстро, что чуть не подвернула лодыжку. Трясущимися руками поймала такси. Назвала адрес Лары — и только тогда выдохнула.

В такси я сидела, вжавшись в сиденье, и чувствовала, как колотится сердце.

Что это было? Почему он везде? Почему я не могу сделать шаг, чтобы он не появился? Это какой-то кошмар. Или судьба? Нет, не судьба. Кошмар.

Убегать, конечно было не самым взрослым решением, но я просто не знала, как разрешить эту ситуацию в кафе.

Уезжать с Максимом в его машине не было никого желания.

Одни в закрытом салоне, от него шабашит тестиком на пределе, от меня эстрогенами.

Хорошую взрывчатую смесь мы получим через десять минут езды. И что тогда?

Но сейчас было даже страшно от своего поступка и смешно.

Макс же сумасшедший. Лена представила, как она не приходит из туалета, и он что будет делать?

Взбесится и сядет невменяемый за руль.

Еще вмажется куда-нибудь, а она потом будет себя винить.

Но что еще оставалось делать? Сейчас у Лары и спросит.

Лара жила на другом конце города, в хрущёвке, которая была чуть лучше моей, но с душой. У неё всегда было уютно: пледы, свечи, книги по психологии на полках и обязательный пирог в духовке.

Она открыла дверь, даже не спросив, кто там. Увидела меня — и сразу всё поняла.

— Заходи, мать, — сказала она, отступая в сторону. — Вид у тебя такой, будто ты призрака встретила. Или кого похуже.

— И того, и другого, — буркнула я, скидывая туфли и проходя на кухню.

Лара — сорок пять, стильная, с короткой стрижкой и волосами, выкрашенными в пепельно-розовый — оттенок пыльной зари. Работает психологом. Видела всякое. Людей, которые теряли детей, мужей, себя. Но сейчас смотрела на меня с неподдельным интересом.

— Чай? Пирог с вишней. Сама пекла, — она уже ставила чайник.

— Я бы чего покрепче.

— У тебя за весь год ни глотка спиртного не было, а тут на тебя напало? Ну, рассказывай, — она села напротив, подперев подбородок рукой.

Я рассказала. Всё. С самого начала. Как Максим ворвался в мою жизнь в 11 классе, Лара и так очень хорошо знала. Как его выгнали из Англии. Как он пялился на меня на уроках. Как присылал стихи. Как я уволилась. Как потеряла дочь. Как муж использовал этот скандал — и как я оказалась в этой чёртовой студии с долгами и климаксом в придачу.

А вот про вчерашнее, рассказала подробно, ничего не утаивая, она все же не только подруга, но и врач. Про то, как он ломился в дверь, потом матерился, угрожал. Как целовал. Как трогал. Как я била его по лицу. И как он ушёл, но пообещал вернуться — «по-другому».

И про сегодняшнее кафе. Про Игоря, который мялся с салатом. Про то, как Максим влетел в зал.

— Ни хрена себе, — протянула Лара, отставляя остывший чай. — Ну, мать, ты даёшь. А я думала, у меня клиенты интересные. Ты всех переплюнула.

— Лар, я не знаю, что делать! — взорвалась я. — Он везде! Он знает, где я живу, кого учу, с кем пью кофе. Он угрожает, что отнимет учеников, что заберёт квартиру, что…

— Что он тебе предлагал? — перебила Лара. — Ты сказала — «предложение». Какое?

— Замуж, — выдавила я. — Стать его женой. Он обещает вернуть дочь, дать адвокатов, деньги, статус. Всё, что пожелаю. В обмен на меня.

Лара присвистнула.

— Ну, мать, это не просто одержимость. Это какое-то любовное расстройство личности. Хотя я надеюсь, что до этого не дойдет. Синдром Адели называются. Когда человек настолько зациклен на объекте страсти, что готов уничтожить себя и его. Чаще всего это развивается у тех, кто в детстве потерял мать или не получил достаточно любви. Они ищут в партнёре не просто партнёра, а спасителя. Восполнение внутренней пустоты. Женщину, которая заменит им мать и даст то, чего не дал никто.

— Ты про Максима? — я вспомнила, как он говорил о своей матери. О том, что она погибла. Что он не видел ничего, кроме отцовских денег и равнодушия.

— Понимаешь, добавила я. Самое ужасное, что он считает себя совершенно взрослым и состоявшимся мужиком и ни на какие уговоры поговорить с психологом не ведется, мы это еще в 11 классе проходили. Он не считает, что он болен. Ему вполне комфортно в его этом помешанном состоянии.

—Мальчик потерял мать в раннем детстве. Отец занят бизнесом, шлюхами, деньгами. Вокруг — няни, гувернантки, которые работают за зарплату, а не за любовь. И тут появляешься ты. Учительница, которая жалеет его, разговаривает, улыбается. Ты для него — первый взрослый, кто отнёсся к нему с любовью. Конечно, он в тебя влюбился. И эта любовь превратилась в одержимость. Потому что других чувств у него просто нет. Не умеет он иначе.

— Но за что мне это? — простонала я. — Я же ничего ему не делала! Я просто хотела помочь!

— Вот, блин, помогла, — усмехнулась Лара. — А теперь он от тебя не отстанет.

Глава 5. 2 часть.

Саундтрек – Земфира «Вороны москвички»

— Слушай, Лен. Давай по-взрослому. У тебя есть варианты.

— Какие? — я вытерла слёзы.

— Первый: идёшь в полицию, пишешь заявление о домогательстве и угрозах. Прикладываешь доказательства — сообщения, если он писал, записи звонков. Но ты сама понимаешь, против него это не поможет. У него деньги, связи, адвокаты. Твоё заявление потеряют по дороге в отдел. Или дойдёт до суда, и тебя же обвинят в клевете.

Я кивнула. Сама знала, что так и будет.

— Второй: уезжаешь. Снимаешь квартиру в другом городе, меняешь номер, соцсети. Прячешься. Но ты думаешь, он тебя не найдёт? С его возможностями? Найдёт. За неделю. И тогда уже не будет никаких «по-хорошему». Он тебя просто украдёт, и всё.

— Третий вариант? — спросила я тихо.

Лара помолчала. Отрезала ещё кусок пирога, положила мне в тарелку.

— Третий, самый хреновый с точки зрения науки, но… иногда единственно верный. Попробовать с ним.

— Что? — я чуть не поперхнулась чаем.

— Слушай меня, как психолога. Его поведение — классическая модель абьюзивных отношений. Контроль, угрозы, шантаж, ревность. Сначала он очаровывает, потом запугивает, потом подчиняет. В таких отношениях женщина теряет себя, свою волю, своё достоинство. Это опасно. Это разрушает психику. Это путь в никуда.

— Но? — я чувствовала, что будет «но».

— Но, — Лара вздохнула, — любое правило допускает исключения. И я, как баба, а не как психолог, тебе скажу: а что, если это тот самый случай? Он любит тебя. По-своему, дико, бешено, но любит. Он вернёт тебе дочь. Он даст тебе всё, о чём ты мечтала. А ты дашь ему то, чего у него никогда не было — спокойствие, заботу, настоящую семью. Да, и потом мы всегда помним про твой диагноз. Возможно, с ним ты правда будешь счастлива. Его двадцатилетний темперамент и ты, такая знойная. Из вас выйдет неплохая парочка.

— Ты с ума сошла! — закричала я. — Это же ненормально! Он же мальчишка! Он угрожает, он шантажирует, он…

— Он мальчишка, который вырос без матери и без любви. И который, увидев твою доброту, привязался к ней на всю жизнь. Ты для него — единственный источник света. Если ты сейчас его оттолкнёшь, он либо сломается, либо станет ещё опаснее.

— Так что мне — сдаться? — прошептала я. — Лечь под него? Раздвинуть ноги, закрыть глаза и терпеть?

— Ты же его хотела там, в коридоре, — усмехнулась Лара. — Я тебя знаю. Видела бы ты своё лицо, когда ты рассказывала про поцелуй и не только. Ты пылала. Не от стыда — от желания.

Я покраснела до корней волос.

— Это гормоны, Лар. Ты уже говорила про мой диагноз. Преждевременный климакс — и этот чёртов побочный эффект. Постменопаузальная гиперсексуальность. Меня трясёт от любого прикосновения. Я схожу с ума, если рядом есть мужчина. Даже в транспорте, когда вижу мужские руки, меня колотит. А тут он, молодой, сильный, с этим запахом… Конечно, я хотела! Я больная, Лар! Я не могу контролировать себя!

— Вот именно! — Лара подняла палец вверх. — Ты больная. Он больной. Вы два сапога пара. Может, это не лекарство, но точно приключение на всю жизнь.

Я закрыла лицо руками.

— Что ты предлагаешь? Чтобы я согласилась? Переехала к нему? Стала его женой?

— Я предлагаю тебе подумать. Не сейчас, не сегодня. Но не отметай сразу. Взвесь всё: твою дочь, твою жизнь, твои желания. И его. Если ты откажешься, он не отступит. Он будет давить сильнее, это такой типаж, да и ресурсов там до хрена. И ты можешь потерять всё — работу, дом, свободу. А если согласишься… может, обретёшь то, что потеряла.

Она встала, обняла меня.

— Но, Ленка, одно условие: не теряй себя. Если пойдёшь на это — помни, кто ты. Не становись его тенью. У тебя должна быть своя жизнь, свои деньги, может быть даже газовый баллончик где-то в заначке, но применять его только в самом критическом случае. Придумай запасной выход на случай, если он сорвётся. И помни, что у тебя всегда есть я.

— Спасибо, Лар, — прошептала я. — Я подумаю.

— Чай пей, пирог ешь, — она сунула мне в руку тарелку. — Сегодня спи у меня. А завтра — решай. И помни: если ты захочешь сбежать — у меня есть диван и запасной ключ. Мы уж как-нибудь поместимся в моей однушке. Ничего страшного.

Я улыбнулась. Сквозь слёзы, но улыбнулась.

— А если я соглашусь? — спросила я тихо.

— Тогда скажу тебе, как женщина женщине, — Лара наклонилась к моему уху и прошептала: — Трахни его так, чтобы он забыл, кто он такой. А потом уже разговаривай о дочке и адвокатах.

Я фыркнула.

— Ты невыносима.

— Зато я честна, — усмехнулась Лара и чокнулась со мной чашкой чая.

За окном темнело. Телефон мой молчал в отключке. До завтрашних учеников еще целая ночь. Где-то там, на тёмных улицах, Максим, наверное, свирепел и искал меня. Надеюсь дверь в мою съемную студию уцелеет. Но сейчас — я была в безопасности. Хотя знала, что это ненадолго.

И что рано или поздно придётся выбирать.

Дорогие читатели. Если вам нравится история, то:
Добавьте книгу в библиотеку— чтобы не потерять.

⭐ *Поставьте звезду*на главной странице — это лучшая награда для автора.

Подпишитесь на автора, чтобы не пропустить новые главы.
Я очень жду ваших комментариев!
Спасибо, что читаете! ##

Визуалы героев 2

Глава 6. Пустота

Саундтрек – Руки Вверх «Расскажи мне»

Он сидел за столиком в кафе и смотрел на её пустой стул.

Прошло уже минут пять. Он не считал. Он просто сидел, сжимая край стола так, что побелели пальцы, и чувствовал, как внутри всё выворачивается наизнанку. Встал, прошел в том направлении, куда ушла Елена и увидел там еще один выход на улицу.

Он вернулся за столик через минуту — взбешённый, с горящими глазами. Её не было. Ни в дамской комнате, ни у чёрного выхода. Она просто испарилась.

— Где она? — рявкнул он подбежавшему официанту.

Тот побледнел, замялся.

— Простите, я не знаю… может, вышла на улицу?

— Куда вышла? Я был у чёрного хода — там никого!

Максим схватил его за ворот белой рубашки и притянул к себе.

Лицо официанта оказалось в опасной близости от его кулака.

— Слушай сюда. Та женщина, которая сидела здесь, — куда она делась? Ты видел? Отвечай, быстро!

— Я… я не… может, она … — выдавил официант, трясясь как осиновый лист.

Максим отшвырнул его так, что тот врезался в стойку бара. Посетители замерли. Кто-то уже доставал телефон, чтобы вызывать полицию, но, увидев взгляд Максима, передумал.

— Администратора сюда! — рявкнул Макс так, что звякнули бокалы на соседних столах.

Из подсобки выбежала хрупкая девушка в чёрном платье. Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла дрожащей.

— Добрый вечер, чем я могу вам помочь? Может, выпьете чаю?

— Заткнись, — оборвал её Максим. — Женщина, с которой я сидел, куда ушла?

— Вышла, кажется, через чёрный ход. — девушка нервно сглотнула.

Максим не слушал. Он уже нёсся к чёрному выходу, расталкивая стулья.

На улице было пусто. Только мусорный контейнер и грязные лужи. Ни такси, ни её силуэта.

Он вернулся в зал, и все, кто был внутри, невольно вжали головы в плечи. Никто не хотел попадаться ему на глаза. Даже администратор спряталась за стойку.

Она ушла.

Не просто ушла — сбежала.

Через чёрный ход, сука, обманула его.

Сказала: «Схожу в дамскую комнату» — и испарилась.

Он проверил туалет — пусто. Подошёл к чёрному выходу — дверь была приоткрыта. И след простыл. Ловко она его обвела!

— Мат, — прошептал он, возвращаясь к столику. — Мат, Лена!

Он не мог поверить.

Он, блядь, который просчитывал всё на пять шагов вперёд, который разваливал переговоры с опытными волками, который управлял многомиллионным бизнесом, недолго, но уже управлял, — он попался на такую простую уловку.

Она сказала «увези меня», усыпила его бдительность — и сделала ноги.

«Что за ураган? Что за баба? Что за стерва?»

Он злился. Бесился. Но где-то глубоко внутри, под слоем ярости и унижения, росло странное уважение. Второй раз за два дня она послала его на хер.

И он, снова схавал и остался ни с чем.

Максим отодвинул стул, вышел из кафе. Сел в свой внедорожник, захлопнул дверь и уставился в лобовое стекло.

Дождь начинал капать. Капли ползли по стеклу, искажая огни города.

Он опять вспомнил тот день, когда впервые увидел её.

Его выперли из Англии. Отец, злой как чёрт сказал: «Будешь учиться в обычной школе, как все. Никаких поблажек.» Он не спорил. Он вообще не разговаривал с отцом — только через «да» и «нет». Единственный человек, к которому он испытывал хоть какую-то привязанность, умер, когда он был маленьким. Мать. Красивая, молодая, почти незнакомая — он помнил только её запах и то, как она смеялась. А потом — больница, похороны, и отец, который не проронил ни слезинки, а на следующий день улетел в командировку. К любовнице, как потом выяснилось.

С тех пор Максим никого не любил. И никто не любил его. Няни, гувернантки, учителя — все они работали за деньги.

Даже к отцу он не испытывал тёплых чувств. Только холодное, вынужденное почтение. Потому что отец был тем, кто давал деньги, крышу над головой, статус. Но не любовь. Никогда.

Отец подавлял его. Везде. В бизнесе, в семье, в жизни. «Ты никто, пока не докажешь обратное», «Не позорь мою фамилию», «Твои проблемы — это твои проблемы». И Максим привык. Привык, что мир — это борьба. Что никто не даст тебе ничего просто так. Что любви не существует.

А потом он зашёл в класс. В этот душный, пропахший мелом и дешёвыми духами класс. И поднял глаза.

Она стояла у доски. Елена Петровна. И улыбалась ему. Не натянуто, не из вежливости — а по-настоящему.

Он сел на последнюю парту, уставился в окно и тихо психовал. Потому что не понимал: что это за чувство? Почему у него перехватило дыхание? Почему ему хочется смотреть на неё не отрываясь?

«Какая же она, блядь, тёплая. И добрая. И… не такая, как все».

Внедорожник замер у обочины, двигатель глухо урчал под капотом. Максим сидел, уставившись на стекающие по стеклу капли дождя. Мысли метались. Он достал телефон, нашёл контакт детектива, но вместо того, чтобы звонить, откинулся на спинку кресла. И начал вспоминать.

Вспоминать, как четыре года назад, когда Лену уволили из лицея, когда муж вышвырнул её из дома и отобрал дочь, он нанял Игоря Васильевича — старого, опытного детектива, с ментовским прошлым, который знал, как найти любого человека и как выяснить о нём всё, что нужно. «Следи за ней, — сказал Максим тогда. — Докладывай обо всём».

Он не мог быть рядом сам — отец отправил его в Англию, добивать бизнес-образование. Но он хотел знать, что с ней. Чем она дышит, что ест, с кем говорит. И, главное, кто пытается влезть в её жизнь.

Глава 6. 2 часть.

Саундтрек – Ваня Дмитриенко «Цветаева»

Игорь Васильевич докладывал часто. Файлы, фотографии, отчёты: «У неё всё хорошо, Максим Викторович. Работает репетитором, денег в обрез, но держится. Мужиков нет — всех отвадили».

Да, отвадили.

Первый появился через полгода после развода. Менеджер по продажам, моложавый, говорливый, пригласил её в кино. Они даже сходили один раз — Игорь Васильевич сделал фотографии. Максим тогда смотрел на эти снимки и сжимал телефон так, что треснул экран. «Немедленно убери его», — приказал он. Детектив нашёл мужика, поговорил по душам. Оказалось, тот банку крупно задолжал. Максим заплатил — и мужик исчез из её жизни навсегда.

Второго отвадили по-другому. Учитель физкультуры из соседней школы, здоровый, накачанный. Он упёрся рогом: угрозы не работали, деньги он не взял, сказал, что она ему нравится и что они оба взрослые люди. Пришлось искать компромат. Игорь Васильевич нарыл историю: развод, невыплаченные алименты, бывшая жена, которая была не прочь лишить его родительских прав. Одного звонка хватило, чтобы физрук забыл дорогу к Лене.

Третий был самым настойчивым. Молодой, лет двадцати пяти, красивый, наглый. Он не боялся угроз, у него не было долгов, за ним не водилось компромата. Он работал в IT-компании — нельзя было просто так взять и уничтожить его карьеру. Они с Игорем Васильевичем думали два дня. Потом Максим сам прилетел из Англии, взял внедорожник, подъехал к офису мужика, дождался, пока тот выйдет. Вылез из машины, подошёл, посмотрел в глаза.

«Я знаю всё о тебе, — сказал он тихо. — Знаю, где ты живёшь, где работают твои родители, куда ходит твоя сестра. Если ты ещё раз подойдёшь к Лене, я сотру тебя в порошок. Ты, твоя семья, твоя карьера — всё. Можешь проверить, я свои обещания выполняю».

Мужик побледнел. На следующий день он уволился и уехал в другой город.

А Максим помогал ей не только отваживать тех, кто пытался к ней подкатить. Он подкидывал учеников.

Он находил родителей, которые искали репетитора по русскому и литературе. Звонил им сам, представляясь знакомым знакомого. Договаривался о цене. Даже оплачивал первые занятия из своего кармана, чтобы родители не передумали.

Три года назад, когда Лена сидела без учеников и едва сводила концы с концами. Игорь Васильевич доложил: «У неё двое учеников, Максим Викторович. На жизнь не хватает». Максим тогда нашёл в каком-то НИИ мужика, которому срочно нужна была повышенная грамотность для отчётов. Позвонил, представился, предложил оплату. Мужик удивился, но согласился. Полгода он ходил к Лене, старательно делал вид, что ему интересны причастия и деепричастия. А Максим платил ему из своего кармана. И Лене, и ему. Лишь бы она не чувствовала себя нищей.

Другая ученица — девочка из многодетной семьи.

Училась плохо, родители не могли платить. Максим узнал через Игоря Васильевича, что школа хочет отчислить её за неуспеваемость.

Он нашёл мать, сказал, что есть благотворительный фонд, который оплатит репетитора. Мать поверила.

Девочка занималась с Леной два года, подтянула русский, поступила в колледж.

А мать так и не узнала, что «благотворительный фонд» — это один бешеный парень, который сидел в Англии и мечтал, чтобы его любимая женщина не сдохла с голоду.

И третий ученик — пенсионер, бывший военный. Ему нужна была помощь с мемуарами. Максим сделал так, чтобы он узнал о Лене через знакомых знакомых. Пенсионер пришёл, ему понравилось. Он занимался почти год, хорошо платил, и Лена тогда наконец-то смогла вздохнуть свободнее.

— Дура, — прошептал Максим. — Ты даже не представляешь, сколько я для тебя сделал. Сколько бабок вбухал. Сколько нервов. А ты… ты с каким-то уёбком кофе пила. Назло мне? Или просто потому, что я тебе безразличен?

Он сжал руль.

— Нет. Не может быть. Я не могу так ошибаться. Она просто не понимает пока своих чувств.

Внедорожник тронулся с места, свернул в переулок. Нужно было ехать домой, разгребать документы. Но он поехал к её студии. Просто чтобы посмотреть, не вернулась ли. Просто чтобы убедиться, что её нет. Просто чтобы постоять под её окнами.

Подъехал к дому, заглушил двигатель. Света в окнах не было. Она не вернулась. Где она? У подруги? В гостинице?

Он достал телефон, снова набрал детектива.

— Игорь Васильевич, — сказал он, услышав сонное «алло». — Ты не в отпуске. Понял? Завтра утром у меня должен быть отчёт по мужику из кафе. И по её местонахождению. Если она уехала — узнай, куда. И найди её, блядь. Быстро только.

— Максим Викторович, я же за рулём был сегодня, сбился с ног… — начал было детектив.

— Мне насрать. Найди. У тебя есть её телефон, её подруги, её знакомые. Через соцсети, через геолокацию — не знаю. Но я хочу знать, где она и с кем. Всё, отбой.

Он сбросил вызов, уронил телефон на колени и откинулся на спинку кресла. Дождь барабанил по крыше, смывая пыль с асфальта.

— Лена, дура, — прошептал он в пустоту. — Зачем ты так со мной? Я же не зверь и не сделаю тебе плохо. Я просто люблю тебя. Ты так мне нужна.

Но он знал, что это неправда. Он был зверем. И эта звериная любовь могла уничтожить их обоих. Или сделать самыми счастливыми людьми на свете. Другого не дано.

Он завёл двигатель и поехал домой — в пустой отцовский особняк, где его ждала только тишина и запах остывшего кофе.

Глава 7. Возвращение блудного мужа

Саундтрек – JenyVesna«Живи как хочешь»

После ночи у Лары я вернулась домой разбитая, но с каким-то странным спокойствием внутри. Подруга сказала то, что нужно: и как психолог, и как женщина. Теперь надо было переварить.

Утром я сидела на кухне, пила дешёвый растворимый кофе и смотрела на ноутбук. Через час первый ученик. Я успею.

В дверь постучали.

Не так, как Максим — громко, требовательно, с напором. А робко, неуверенно. Как будто человек сомневался, идти ему или нет.

Я подошла к глазку.

И замерла.

Вадик. Мой бывший муж. Стоит на площадке, прижимая к груди коробку конфет и бутылку шампанского. В дорогом костюме, с лёгкой небритостью, которая раньше казалась мне сексуальной, а теперь выглядела жалкой.

«Какого …? — пронеслось в голове. — Как он узнал адрес?»

Я открыла. Не потому, что хотела его видеть. А потому, что если не открою, он будет ломиться и привлекать внимание соседей. А мне этого только не хватало.

— Здравствуй, Лена, — сказал он, натягивая улыбку. — Не ждала?

— Не ждала, — ответила я холодно. — Что тебе надо?

Он протянул шампанское и конфеты. Я заметила марку — Асти Мандора, моё любимое. И конфеты — трюфели, которые я обожала. Значит, готовился.

— Я… поговорить пришёл, — сказал он, переминаясь с ноги на ногу. — Пустишь?

Я отступила на шаг, пропуская его в квартиру. Не гостеприимно, но иначе он бы не ушёл.

Вадик зашёл, огляделся. Взгляд скользнул по ободранным обоям, дешёвой мебели, старому ноутбуку на столе. На его лице мелькнуло что-то вроде удовлетворения — «ты без меня никто». Но он тут же спрятал это за сочувствием.

— Уютно у тебя, — соврал он.

— Не ври, — оборвала я. — Зачем пришёл?

Он поставил шампанское на стол, конфеты рядом. Почесал затылок.

— Лен, я, наверное, перегнул палку тогда, при разводе. Думал, может, стоит… э… пересмотреть кое-какие бумаги. Ну, и вообще… помириться. У меня тогда совсем забрало упало, как только подумал, что ты можешь с этим сопляком у меня за спиной шашни крутить, тогда не мог адекватно соображать.

Я не поверила своим ушам.

— Ты с ума сошёл? Четыре года прошло. Ты женился, у тебя ребенок от новой жены, у меня… — я запнулась. — У меня новая жизнь. Да и не ври, ничего у тебя не упало, ты просто посчитал, что так тебе будет выгодно расторгнуть наш контракт и не оставить мне ничего. А все четырнадцать лет, твердил о любви, куда только она потом делась?

— А что у тебя за новая жизнь? — он встрепенулся кивнул на стены. — В этой конуре?

— Не твоё дело.

— Лен, давай спокойно поговорим, — он подошёл ближе, и я почувствовала запах его парфюма — тот же, что и раньше, «Amouage». — Я всё обдумал. Последнее время… Нина меня достала. Стерва, каких свет не видел. Требует бриллиант такой, что он стоит, как квартира, и Мальдивы подавай каждый месяц. А главное, поговорить с ней не о чем. Шмотки,

подружки, вечные претензии. В сексе… — он вздохнул. — Секс убрала совсем, представляешь? «Не купил бриллиант — иди на хер». Так и сказала.

Я молчала. Не хотела знать подробностей его семейной жизни.

— А ты, Ленка, — продолжал он, — ты была… нормальной. Классной. С тобой и поговорить, и посмеяться. И в постели… — он сглотнул. — Ты была огонь.

— Спасибо за лестную оценку, — сухо сказала я. — Но я не собираюсь быть твоей запасной аэродромной площадкой.

— Я не об этом! — оживился он. — Я хочу… ну, может, начать сначала? В смысле, встречаться? Или хотя бы… не знаю… попробовать?

Я посмотрела на него. На этого мужчину, которого когда-то любила. С которым прожила четырнадцать лет, родила дочь. С которым собиралась встретить свою старость в окружении внуков. Который разбил мне сердце, отобрал всё и ушёл к беременной секретарше.

Мне стало смешно. Вот реально смешно, как же плоско все выглядело. Там, где мне казалось все очень глубоко и навсегда, просто я была у него удобной бабой в налаженной жизни.

— Вадик, ты серьёзно? Ты пришёл ко мне с шампанским и конфетами, чтобы трахнуться на старости лет? Потому что молодая жена тебя послала из-за отсутствия достойного бриллианта?

Он покраснел.

— Не только, Лен. Я понимаю, что виноват. И я хотел бы… может, какие-то документы переписать. Вернуть тебе то, что по праву твоё. Дочка тоже по тебе скучает. Аня постоянно спрашивает: «Когда мама приедет?». Я думаю, может, разрешить вам видеться чаще. Или даже… если ты не согласишься жить вместе…Мы могли бы проводить какое-то время втроем.

— Жить вместе? — я не поверила своим ушам. — Ты предлагаешь мне вернуться? И жить с тобой и с твоей… второй женой?

— Ну, мы как-нибудь решим, — он развёл руками. — Главное, что я готов всё исправить. Может быть, я куплю тебе квартиру и буду приезжать к вам с Аней….

— Ты что реально разрешишь мне забрать Аню к себе, купишь нам квартиру? — я не верила своим ушам, второй день был полон каких-то сюрпризов.

— Ну, конечно, разрешу, но с одним условием, мне ты всегда будешь рада.

— В каком смысле рада? — я поперхнулась. — Ты хочешь и в постель мою пробраться и обосноваться? Чтобы если молодуха откажет в сексе, ты мог у меня тут пар спускать?

— Ну зачем ты все так выворачиваешь? — обиделся Вадик. — Я же просто не хочу забывать нашу с тобой любовь, да и Аня просит, чтобы мы жили вместе.

— Я что-то не пойму тебя. Скажи мне конкретно на каких условиях ты отпустишь Аню ко мне? Секс там будет?

— Ну, да, а иначе, как я буду держать себя с тобой рядом в руках. Ты же знаешь мои сексуальные аппетиты, если они не удовлетворены, то и настроение на нуле. А в семье сейчас мне их никто не удовлетворяет.

— То, есть без секса со мной, ты Аню не отдашь?

— Ну зачем так категорично все формулировать, но вообще, да, мне это нужно, я ведь люблю тебя.

Друзья, если история вас зацепила — добавьте её в библиотеку, чтобы она всегда была под рукой. Поставьте звёздочку, это для меня лучший сигнал, что я двигаюсь в правильном направлении. Подпишитесь, чтобы не пропустить продолжение — я буду рада видеть вас среди постоянных читателей.

И, пожалуйста, пишите комментарии — мне очень важно знать, ваше отношение к героям. Спасибо, что вы со мной! ##

Глава 8. Явление

Саундтрек – Гагарина «Спектакль окончен»

Я смотрела на него и не узнавала. Жалкий, растерянный, с этими конфетами. И с фальшивой улыбкой.

«Лара была права, — подумала я. — Два сапога — пара. Только не я и Максим, а я и этот идиот».

— Слушай, Вадик, — сказала я, стараясь говорить спокойно. — Я ценю твоё предложение. Но нет. Мы не будем ничего начинать сначала. Ты меня предал. Ты забрал дочь. Ты оставил меня без копейки.

— И теперь, когда тебе стало плохо с молодой женой, ты пришёл ко мне? Я считаю твое предложение унизительным. Я постараюсь через суд доказать подделку всех предоставленных доказательств нашего дела и вернуть дочь себе законно.

— Лен…

— Послушай. Я не твоя запасная женщина. И никогда ею не буду. Если ты хочешь что-то исправить — отдай мне квартиру, которая по закону должна была отойти мне. Разреши забрать дочь. Но не потому, что ты хочешь меня вернуть, а потому, что это правильно.

Он замолчал. Потом вздохнул.

— Я подумаю, — нехотя сказал он. — Но Лен… ты уверена? Мы могли бы…Просто скажи, у нас с тобой есть шанс? Ты могла бы меня простить?

— Уверена, — перебила я. — Нет у нас никаких шансов, то, что ты со мной сделал не прощают. А теперь уходи. У меня через полчаса урок.

— Ну зачем так сразу грубо со мной? — Вадик растянул губы в примирительной улыбке, пододвинулся ко мне — Вспомни, как мы любили друг друга. Я и сейчас помню, как ты любишь, чтобы я делал…

— Прекрати, Вадим. Не надо. — я поморщилась, отчего-то было противно вспоминать все наши отношения, как будто я уже предавала Макса тем, что вспоминаю.

— Давай выпьем. Поговорим. По-доброму. Лен, я же не враг тебе…

Господи, только бы Максим на мою голову не свалился, — пронеслось у меня в мыслях.

— Иначе что здесь начнётся? Просто какая-то долбаная заварушка. Мне только этого не хватало для полного счастья — бывший муж и одержимый бывший ученик в одной комнате.

Я открыла рот, чтобы ответить Вадику что-то резкое, может, послать его подальше раз и навсегда — но не успела.

Дверь, которую я, кажется, не заперла на ключ после прихода Видика медленно отворилась.

На пороге стоял Максим.

Он был в тёмной рубашке, но теперь без пиджака, с закатанными рукавами. Глаза — холодные, как лёд. Смотрел он не на меня. Он смотрел на Вадика.

— О, а это кто? — голос Максима звучал до жути спокойно.

— Елена Петровна, а вы, я смотрю, последние дни популярны. Сначала я, потом этот… — он кивнул на бывшего мужа, — а теперь вот снова я.

Вадик обернулся, нахмурился.

— Ты кто такой? Как вошёл? Дверь закрыта была…

— Для меня закрытых дверей нет, — Максим сделал шаг в комнату. — А кто я такой — тебе лучше знать. Загорский Максим Викторович. Помнишь такую фамилию? Мой отец был твоим партнёром по «Промресурсу». Пока ты не кинул его на полтора миллиона.

Вадик побледнел.

— Ты сын Сергея? Тот самый… мальчишка?

— Тот самый, который четыре года назад якобы домогался твоей жены, — Максим усмехнулся. — Только ты сам всё это придумал, чтобы было удобнее выпереть её из семьи.

Я замерла, переводя взгляд с одного на другого.

— Ничего я не придумывал, — Вадик встал, выпрямился, но голос дрожал. — Было дело. Заявление от учителей, свидетели…

— Какие свидетели? Те, кому ты заплатил? — Максим шагнул ближе. — Ты думал, я не узнаю? Я нашёл всё. Документы, показания, переписки. Ты сфабриковал этот скандал, чтобы развестись с ней по брачному контракту и не делиться имуществом. И дочь отобрал — потому что так было выгодно.

Вадик побелел как полотно.

— Ты… ты не сможешь этого доказать.

— Уже доказал, — Максим достал из кармана телефон, помахал им в воздухе. — Здесь все файлы. И прокуратура, между прочим, скоро ими заинтересуется. Так что, Вадим Викторович, вас ждут интересные времена.

Я не верила своим ушам. Четыре года я считала себя виноватой. Думала, что если бы я не была такой доброй с Максимом, если бы не жалела его, не разговаривала — ничего бы не случилось. А оказывается…

— Это ты… всё это время… — я смотрела на бывшего мужа. — Ты подставил меня?

Вадик молчал.

— Зачем? — мой голос сорвался. — Я же была тебе женой. Я любила тебя. Я растила твою дочь! Зачем?

— А что мне оставалось? — он вдруг взвился. — Ты бы ни за что не подписала бумаги, если бы не скандал! А Нина уже была на пятом месяце! Мне нужно было разводиться и делить

имущество! Ты бы забрала половину! Я не мог этого допустить! Я бы остался ни с чем, только со своими долгами.

— И ты уничтожил меня, — прошептала я. — Ты уничтожил мою жизнь, мою репутацию, мою дочь… за бабки?

— За бабки, — тихо сказал Максим. — А теперь, Вадим Викторович, я предлагаю вам уйти. Пока я не вышвырнул вас в окно. У нас с Еленой Петровной разговор не закончен.

Вадик посмотрел на меня, на Максима, потом снова на меня. В его взгляде читалось что-то вроде растерянности, но он быстро взял себя в руки.

— Лена, я… я сожалею. Правда. Но это бизнес, ничего личного.

— Пошёл вон, — сказала я таким голосом, каким никогда в жизни не говорила.

Он кивнул и вышел. Быстро. Даже не оглянулся.

Дверь за ним закрылась. Мы остались вдвоём — я и Максим.

Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел на меня.

— Вы в порядке, Елена Петровна? — спросил тихо.

— Я… не знаю, — ответила я, садясь на диван. — Мне нужно всё это переварить.

— Я понимаю.

— Откуда ты всё это узнал? — спросила я, поднимая голову.

— Нашёл. Через своих людей. Четыре года искал, копал. Думал сначала, что отец помогал ему. Потом понял, что отец просто закрыл глаза, потому что это ему тоже было выгодно. А главным был ваш муж.

Я закрыла лицо руками.

— Зачем тебе это?

— Затем, что вы не должны были пострадать. Особенно из-за меня.

Я убрала руки, посмотрела на него.

— Ты не виноват, Максим. Это всё он. А ты… ты просто был мальчишкой, который полюбил не ту женщину.

Он усмехнулся.

Иллюстрация

Глава 9. Разговор.

Саундтрек – Носков «На меньшее я не согласен»

— Вот теперь я точно «просто мальчишка». А вчера был «зверем», «нелюдем».

— Вчера ты вёл себя как зверь, — сказала я, но в голосе не было прежней злости. — Сегодня ты пришёл и спас меня. От него.

— Я пришёл, чтобы поговорить, — ответил он.

— Как ты узнал, что я здесь? — спросила я.

— Игорь Васильевич доложил, — честно сказал Максим. — Мой детектив. Он… он следит за тобой. В смысле, за вами. Для вашей же безопасности.

— Для моей безопасности или для твоего контроля? — я прищурилась.

— И то, и другое, — не стал врать он. — Я не хочу, чтобы с вами что-то случилось.

— Ты не имеешь права так со мной поступать.

— Я знаю. Но я не могу иначе.

Мы замолчали. Тишина висела в воздухе, тяжёлая, но уже не враждебная.

— Максим, — сказала я наконец. — Спасибо тебе. За правду. Но… я ещё не готова принимать никакие решения.

— Я не тороплю, Елена Петровна, — он поднялся. — Но я хочу, чтобы вы знали: я дождусь. И я всё равно сделаю вас счастливой.

И после этих слов не выгнала его. Сама не знаю, почему.

Максим сел на единственный приличный стул, положил на стол красивую коробку с белой атласной леной, которую он принёс с собой, и сказал:

— Я принёс вам кое-что. Хотел порадовать.

Я смотрела на коробку с недоверием. После всего — угроз, шантажа, ревности — он пришёл с подарком?

— Что там? — спросила я, не двигаясь с места.

— Откройте.

Я развязала ленту и открыла коробку. Внутри — пластиковый контейнер, а в нём… мороженое. Фисташковое, с орехами, в идеальном, ещё не растаявшем виде. Моё любимое. Такое я не ела четыре года — слишком дорогое для моего бюджета.

— Откуда ты… — начала я.

— Знаю просто, — он перебил, не объясняя. — Ешьте, пока не растаяло.

Я пошла на кухню, принесла две ложки и две плошки для мороженого, подвинула ему и взяла свою ложку, зачерпнула. Фисташковый вкус взорвался во рту фейерверком — нежный, сливочный, с хрустящими кусочками орехов.

Я закрыла глаза от удовольствия. Сладкое давно не касалось моих губ. Боялась поправиться и дорого. Дешевые сладости я не покупала.

Максим замер.

Я не видела его, но чувствовала — кожей, затылком, каждой клеткой. Он смотрел. Не просто смотрел — пожирал глазами. Как я беру ложку, как подношу ко рту, как обхватываю её губами. Как закатываю глаза от наслаждения. И мне это почему-то нравилось, когда вот так на меня смотрят.

— Вы урчите, как кошка, — сказал он хрипло.

Я открыла глаза. Он сидел, вцепившись в подлокотники кресла, и смотрел так, будто я ела не мороженым, а что-то запретное. Его зрачки расширились, дыхание стало глубже.

— Не смотри на меня так, — попросила я, но голос прозвучал слабо.

— Не могу, — ответил он. — Вы… потрясающая.

Ну как тут устоишь, от таких комплиментов и взглядов?

Это было медом для меня - побитой жизнью, уставшей женщины.

Я отвела глаза, зачерпнула ещё. Мороженое подтаяло, потекло по ложке.

Я наклонилась, чтобы слизнуть — капля упала на грудь, прямо в вырез моей старой домашней туники.

Холод коснулся кожи, я охнула, улыбнулась.

Подцепила пальчиком белую каплю, поднесла ко рту, облизала палец.

Не подумав. Машинально. А потом снова зачерпнула ложкой, снова отправила в рот — и снова маленькая капля потекла по подбородку, по шее, вниз.

Клянусь — это было сделано не специально.

Но Максим сделал резкий вдох. Как будто его ударили.

Я подняла глаза.

Он сидел, наклонившись вперёд, и смотрел на белую полоску на моей коже. Его лицо было красным, на лбу выступила испарина. Он сжимал свою ложку так, что побелели костяшки.

— Что? — спросила я, чувствуя, как от его взгляда становится жарко.

— Ничего, — прохрипел он. — Ешьте.

— А ты почему не ешь? Ты любишь сладкое?

— Люблю, — похрипел он, — но это не про еду.

Я видела, как он хочет что-то сделать, но очень себя сдерживает. Как он буквально готов наброситься на меня.

И я бессовестно провоцировала его на это.

Где были мои мозги, совесть в конце концов, сила воли и собственное достоинство?

Не знаю. Они утекли туда, где было уже очень мокро от его горящего взгляда.

И вдруг — его рука потянулась ко мне. Медленно, дрожа он приблизился.

Я замерла. А он просто провёл кончиками пальцев по ложбинке, собирая сладкую влагу.

— Максим…

Он слизал её со своих пальцев.

Глаза закрылись на секунду — и я поняла, что это было для него не просто мороженое. Это был мой вкус на его пальцах.

— Хватит, — выдохнула я, но не отодвинулась.

Он подался вперёд. Наши лица оказались в опасной близости. Он пах тем самым диким мускусом — и мороженым. Фисташковым.

— Елена Петровна, — прошептал он. — Я сейчас сойду с ума.

— Ты уже смотришься странно, — ответила я, чувствуя, как у самой подкашиваются колени.

— Тогда не останавливайте меня.

И всё.

Он протянул руку к контейнеру. Зачерпнул мороженое прямо пальцами и вдруг —вымазал подтаявшим мороженым всю мою грудь прямо поверх туники, очень медленно и сосредоточенно.

Холод обжёг кожу сквозь тонкую ткань. Я охнула, дёрнулась, но он уже приблизился ко мне, прижимая к спинке дивана.

— Ой, — выдохнула я. — Что ты…

— Тише, — прошептал он. — Я сейчас.

Он наклонился и медленно, очень медленно провёл языком по тому месту, где мороженое растеклось по ткани. Футболка промокла насквозь, он слизал сладкую влагу, и я почувствовала жар его языка даже через материю.

— Максим…

— Я просто убираю, — прошептал он, не поднимая головы. — Нельзя же добру пропадать.

Мои дорогие читатели!

Если вам откликается эта история — добавьте её в библиотеку и поддержите звёздочкой.

Это для меня огромная мотивация.

Подпишитесь, чтобы следить за новыми главами.

А ещё — пишите комментарии, я их очень жду. Мне важно знать, что вы думаете.

Спасибо, что вы есть! ##

Визуалы героев 3

Глава 10. Мороженое

Саундтрек – Xolidayboy «Между строчек»

Он задрал край туники в сторону, оголив грудь.

Мороженое уже таяло, стекало по коже, и он ловил каждую каплю языком.

Грудь, сосок, ложбинка — он вылизывал всё, без остатка, медленно и жадно.

Потом сгреб ткань футболки и заставил снять через голову.

Я была в таком шоке от происходящего, что вылупив, глаза просто смотрела зачарованно. Что он со мной вытворяет.

Затем он дотянулся и зачерпнул еще мороженое, и опять измазал меня. От этого было невыносимо холодно и горячо, когда он облизывал и посасывал, все что попадалось у него на пути.

— Какая же ты сладкая, — выдохнул он, поднимая голову.

Я попыталась что-то ответить, но не успела.

В следующую секунду меня смёл ураган.

Его рот врезался в мой. Жёстко, голодно, как будто он умирал и я была его последним глотком воздуха. Я ударила его в грудь — куда там, как в стену. Пыталась отвернуться — он поймал моё лицо ладонями и заставил смотреть в свои глаза, придавив всем телом.

— Не дёргайся, — прошептал он. — Просто… не дёргайся.

Он не целовал — он пожирал меня. Губы, щёки, шея. Я задыхалась от его напора и от себя самой, потому что… потому что не хотела, чтобы он останавливался.

— Максим…

— Молчи.

Одна его рука скользнула вниз, сжала грудь. Я выгнулась, простонала — от неожиданности, от того, как давно ко мне никто не прикасался.

Он гладил, сжимал и одновременно пожирал мой рот, а я чувствовала, как между ног становится влажно, горячо, невыносимо.

Потом его рука скользнула вниз, под резинку домашних штанов, под трусики.

Я дёрнулась, но он уже был там — горячий, настойчивый, нашёл то самое место, о котором я старалась не вспоминать. Надавил. Провёл пальцем.

Меня словно током ударило.

— Ах… — вырвалось из меня.

— Да, — прошептал он. — Да, Леночка...

Он не ласкал, не нежил — он действовал быстро, точно, зная, куда нажать, где потереть, как будто боялся, что я очнусь и оттолкну его.

Его пальцы двигались внутри меня, снаружи, снова внутри. Я вцепилась в его плечи, застонала, забилась — не то от удовольствия, а то от того, что не могла больше это вынести.

— Смотри на меня, — приказал он. — Открой глаза.

Я послушалась. Его лицо было в сантиметре от моего — глаза бешеные, красные, полные такой животной страсти, что я испугалась. Между нами было все липкое и грязное, тела прилипали друг другу. Но это было почему-то очень возбуждающе.

— Кончай, — сказал он тихо. — Сейчас, Лена. Я хочу видеть.

И я кончила. Крик вырвался сам — громкий, бесстыдный, какого я никогда не издавала. Моё тело выгнулось дугой, ноги задрожали, перед глазами вспыхнули золотые искры. Оргазм накрыл с головой — долгий, пульсирующий, сильнее, чем я могла себе представить.

Я падала. Меня корежило в сладких судорогах. И он держал меня, не давая разбиться.

Когда я очнулась, Максим сидел рядом, гладил мои волосы.

— Ты… — прошептала я, — ты… ненормальный.

— Твоими молитвами, — усмехнулся он.

Я оттолкнула его руку, села, привела в порядок одежду. Щёки горели, тело всё ещё дрожало. Я не могла смотреть на него — и не могла отвести взгляд.

— Зачем ты это сделал? — спросила я тихо.

— Хотел, чтобы ты почувствовала себя женщиной. А не просто училкой, матерью, кем-то ещё. Женщиной, которую хотят. Сильно.

Я промолчала.

— А теперь, — он откинулся на спинку дивана, — поговорим о твоём муже.

— О Вадике? — я насторожилась.

— Подожди, а как же твое удовольствие? — спросила я и посмотрела на штаны, которые дыбились колом.

— Я пока перебьюсь, есть вопросы и поважнее.

— Так вот, о твоем бывшем муже. Он заявился сюда не просто так. Шампанское, цветы, «давай попробуем сначала». Он хочет тебя вернуть?

— Это не твоё дело, — сказала я. Настроение как-то сразу испортилось.

— Моё, — жёстко ответил Максим. — Потому что если он хочет тебя вернуть — значит, он хочет вернуть через дочь. И если ты согласишься… я останусь ни с чем.

— Я не собираюсь возвращаться к нему, но это опять не твое дело, — выпалила я.

— А что ты собираешься? — он посмотрел мне в глаза. — Ты сама сказала, что он хочет вернуть тебе квартиру, вернуть дочь, наладить жизнь. Звучит заманчиво.

— Звучит как ловушка, — ответила я. — Он хочет вернуться в мою постель. Надолго ли? Пока новая жена не надоест окончательно? А потом снова вышвырнет, когда найдет помоложе и посговорчивее.

— Это его планы, вернуться к тебе в постель? — Максим прищурился.

— Он не говорил прямо, но… я его знаю. У него каждая буква просчитана.

— Тогда почему ты не выгнала его сразу?

— Потому что… — я замолчала. Потому что в его предложениях была надежда. На дочь, на нормальную жизнь, на то, чтобы перестать бояться завтрашнего дня.

— Потому что он предлагает то, что я могу тоже тебе дать, — тихо сказал Максим.

— Максим, это не соревнование…

— А я воспринимаю это именно как соревнование. И я не собираюсь проигрывать какому-то старому козлу, который променял тебя на молодую задницу.

Он замолчал, взял меня за руку.

— Что ты решила, Лен? Я жду ответа.

— Я ничего не решила, — честно ответила я. — Слишком много событий за один день. Слишком много информации. Я очень устала. Я пропустила урок из-за твоих игрищ с мороженым. Теперь мне придется отдать деньги за урок ученику и очень потерять в репутации.

— Не видел, чтобы ты сильно возражала против «моих игрищ с мороженым», — сказал сухо Макс.

— И я скажу тебе еще одну вещь: если он реально хочет вернуться, ему не поздоровится. Я не позволю ему приблизиться к тебе. Ни ему, ни кому другому.

— Ты не имеешь права так вмешиваться в мою жизнь…

— Имею, — он поднёс мою руку к губам и поцеловал. — Потому что я люблю тебя. И потому что ты уже моя. Он взял в рот мой указательным палец и пососал его. Я как дура пялилась на это действо ничего не проронив. Потом отобрала свою руку.

— Макс, я так чудовищно устала сейчас. Иди домой, дай мне поспать, мне кажется если я сейчас же не закрою глаза, я умру. У меня уже перегорели все предохранители.

Глава 11. Ночь и утро

Саундтрек – Гости из будущего «Я знаю только лучшее в тебе»

На меня и правда накатила такая чудовищная усталость, от переживаний, событий и такого бурного удовольствия. Я просто отвернулась в спинке дивана и закрыла глаза. Мне было абсолютно все равно, что подумает, скажет или сделает Макс, но я очень надеялась, что он поймет и уйдет.

Он встал, взял плед накрыл меня, подошёл к двери, взялся за ручку.

— Я приду завтра. В это же время. Подумай. И поешь нормально — ты слишком худая, мне не за что тебя держать, когда я тебя обнимаю, боюсь, когда возьмусь за дело серьезно ты подо мной поломаешься.

Он вышел. Я осталась лежать на диване, глядя на разлетевшиеся капли мороженого и чувствуя, как всё тело ещё помнит его пальцы.

— Что же ты делаешь со мной, мальчик? — прошептала я, погружаясь в глубокий сон.

Ответа не было. Только сердце колотилось где-то в горле и не унималось. И между ног всё ещё пульсировало — сладко, стыдно, неизбежно.

Сон пришёл. И — как ни странно — он был глубоким, почти освежающим. Ни привычных кошмаров, ни бесконечного прокручивания тревожных мыслей. Просто темнота, тепло и чувство защищённости, которого я не помнила уже много лет.

Я спала очень долго по ощущениям. И оказалось, что проспала много часов, так сильно подкосили меня эмоциональные встряски последних дней.

Казалось, будто ночью меня все время обнимал кто-то сильный и горячий.

Я ещё не проснулась, но волны удовольствия уже накатывали. Где-то из глубины, из сладкого сна, они поднимались, растекались по телу, согревали, заставляли дышать чаще.

Прикрыла один глаз — тот, что был ближе к подушке. В комнате было светло, солнечно. Я чувствовала: где-то там, под одеялом, кто-то есть. Кто-то, кто делает мне очень-очень хорошо.

Язык. Горячий, настойчивый, влажный. Он скользил по животу, спускался ниже, касался самого чувствительного места, и я выгибалась навстречу, ещё не просыпаясь, ещё не понимая, где реальность, а где сон.

И вдруг страх — ледяной, острый. Сумбур прошлого дня накрыл с головой. Вадик. Его вчерашний визит. Его слова про «попробуем сначала». Нет, только не он…

Я рванула одеяло вверх.

Под одеялом была тёмная макушка. Максим.

Он поднял голову, посмотрел на меня снизу вверх — сонный, взлохмаченный, с припухшими губами.

— Доброе утро, — сказал хрипло. — Ты сладкая. Даже без мороженого.

Я выдохнула. С облегчением. С ужасом от этого облегчения.

— Ты… ты что делаешь?

— Любуюсь, — он усмехнулся.

Он снова опустил голову, и мое тело выгнулось само собой.

— Максим, подожди…

— Не могу, Лен.

И я сдалась. Снова.

Мелькнула мысль, что так и не приняла вечером душ, но мысль очень быстро растворилась.

— Доброе утро, — шептал он между поцелуями. — Доброе утро, Леночка. Доброе сладкое утро, — и снова поцеловал меня там, от чего я уже ничего не могла соображать.

Застонала, выгнулась, вцепилась в его волосы.

Его язык творил что-то невообразимое — то кружил, то надавливал, то входил внутрь, то снова возвращался к самому чувствительному месту.

— Максим… — простонала. — Что ты делаешь, ах…

— Люблю тебя, — прошептал он, не поднимая головы. — Люблю всю. Давай, кончай, а то мне тоже хочется сладкого.

Я взлетела — судорожно, громко, вжимаясь в подушку, в его лицо. Но он не остановился. Он подождал, дал перевести дух, а потом взял за бёдра и плавно, не торопясь, повернул на бок. Так, чтобы я лежала к нему спиной, а он прижимался сзади, жаркий, твёрдый, опасный.

— Ты как, Лена? — спросил он мне в ухо. — Можно?

— Что ты… что ты хочешь? — еле выдохнула я, ещё не очнувшись от оргазма и чувствуя, как он упирается между ягодиц.

— Всё, — прошептал он. — Я хочу всё, и больше не могу ждать.

Он приподнял бедро и вошёл. Резко, одним толчком. Я не ожидала — вскрикнула, замерла, затаила дыхание. Внутри всё растянулось, заныло, было почти некомфортно — хотя возбуждение не ушло, я была влажной и готовой. Но он был большим. Не игрушкой какой-нибудь китайской — живым, сильным, молодым. Настоящим.

— Больно? — спросил он, замирая.

— Не знаю… — прошептала я. Нет, не больно. Но как-то странно, непривычно. Давно меня никто не трогал, а тут — сразу такой...

Я опустила руку вниз, нащупала у самого входа, где мы соединились. Нащупала живое, сильное, молодое. «Интересно, какие там размеры?» — подумала на секунду, но тут же мысли улетели в другом направлении. Он начал двигаться — медленно, глубоко, не вынимая до конца. И всё, что было некомфортно, вдруг превратилось в неземное наслаждение.

— Вот так? — шептал он в затылок. — Или так? Говори…..

— Так… так… — бормотала я, подаваясь назад.

Он любил. Долго, исступлённо, как будто в последний раз.

Не пропуская ни одного стона, ни одного движения бёдер.

Я отвечала — пальцами впивалась в подушку, потом в его руку, потом сама накрывала его ладонь там. Мы слились в едином ритме — дыхание, влага, жар.

Когда всё случилось — когда он с хриплым «Ленааа…» вжался в последний раз и замер, вздрагивая, — я почувствовала, как горячо и мощно пульсирует внутри. И только тогда, остывая, приходя в себя, до меня дошло.

— Ты что, дурак? — выпалила, поворачиваясь к нему. — Ты почему не предохраняешься? Ты совсем что ли? Мне теперь от чего лечиться?

Он улыбнулся, абсолютно бесстыдно, потянулся поцеловать меня в плечо.

— Ой, скажешь тоже, Лена, лечиться. Я никогда ни с кем в жизни не трахался без защиты. Всегда пользовался презервативом, поняла? Это только с тобой. Потому что ты — моя. Моя. И всё моё — для тебя.

— Для меня? — я села, натягивая простыню, из меня выливалось все и его было очень много. — Что значит для меня?

Максим лёг на спину, закинул руки за голову и смотрел в потолок.

— Возможно, у нас будут маленькие зайчики от этого утра, — сказал он мечтательно.

— Зайчики? — я чуть не поперхнулась.

— Ну да. Дочка. Или сын. Не важно.

— Ха, — я заржала, нервно и зло. — Надейся, глупый мальчик. Но так и знай: это, — я обвела круг пальцем, — была разовая акция. Она не повторится больше. Никогда!

Максим повернул голову, посмотрел внимательно.

— Ага, — сказал он с такой уверенностью, что внутри всё перевернулось.

— Конечно. Никогда. Только никогда кончится через 30 минут, я покормлю тебя, а потом опять буду любить, я еще не наелся. Вставай, ты проспала много времени, тебе нужно поесть.

Он встал, подхватил одежду и вышел в ванную, оставив меня сидеть на смятой и испачканной простыне, с трясущимися руками и пульсирующим чувством между ног.

— Что я наделала, это же полный трешак, хорошо, хоть беременности не нужно бояться? — прошептала я в пустоту.

Дорогие, друзья, если вам понравилось начало книги,
подпишитесь на автора.
Поставьте звёздочку — это укрепит мою самооценку.
И добавь книгу в библиотеку, чтобы не потерять.
Очень жду ваши комментрарии!!! Как вы относитесь к героям?

Трепетный визуал героев

Глава 12. Завтрак с привкусом безумия

Саундтрек – NЮ«Таких как ты»

Макс вышел из душа через десять минут — мокрый, с капающей с волос водой, с голым торсом, на который я старалась не смотреть. Но, конечно, смотрела.

— Одевайся, — бросил он, вытираясь моим единственным полотенцем. — Пошли завтракать.

— Я не хочу есть, — соврала я, хотя живот предательски заурчал.

— Не обсуждается, Елена Петровна. Вставай.

Макс подхватил меня под руку, поднял с дивана, нашёл где-то мой халат, накинул на плечи. Потянул на кухню.

— Я, конечно, предпочел, чтобы ты была голой, но думаю, сейчас, ты будешь стесняться.

На столе уже стояли пакеты — откуда он их взял? Пока я спала, он что заказал доставку? Макс достал коробки, открыл крышки. Аромат ударил в нос — горячие круассаны, яичница с беконом, свежевыжатый апельсиновый сок, фрукты, йогурт. Ресторанный завтрак в моей убогой студии.

— Садись, — приказал он.

— Я…

— Садись, Лена. Не зли меня.

Я села.

Он сел напротив, взял вилку, подцепил кусочек омлета.

— Открывай рот.

— Я сама могу.

— Открывай, сказал.

Я подчинилась. Он кормил меня с рук. Сначала омлет, потом круассан, потом клубничку. Пальцы его касались моих губ, я облизывала их — случайно или нет, не знаю. У него менялся взгляд, каждый раз, когда я задевала его руку языком.

— Хорошая девочка, — прошептал он, глядя на мой рот.

— Не называй меня так, — попросила я.

— А как назвать? Моя? Любимая? Будущая мать моих детей?

— Ты невозможен, — буркнула я, но в тарелку уже не смотрела — смотрела на него.

Пальцы его снова потянулись к моему рту, на этот раз без еды. Он провёл по нижней губе, потом по верхней, потом тронул язык. Поцелуй, короткий, глубокий. Потом он отстранился, тяжело дыша.

— Всё, я пока отойду. Ешь давай.

Макс встал, отошёл к плите, прижался лбом к шкафчику. Спина его ходила ходуном.

— Ты чего? — спросила я.

— Ешь, сказал. Не могу. Когда ты ешь — я хочу тебя. Когда ты спишь — хочу тебя. Когда ты просто сидишь — хочу.

Он вернулся, сел уже дальше, почти в другой конец стола. Налил сок, подвинул мне. Я пила, и он смотрел на мою шею, на то, как движется горло, как я облизываю губы.

— Закончила? — спросил он.

— Почти.

— Доедай, быстрее. А то я сейчас всё это смету на пол и завалю тебя прямо на стол.

— Угроза? — прищурилась я.

— Обещание.

Я доела. Положила вилку.

Он не выдержал.

Резко, одним движением сгрёб со стола всё — тарелки, чашки, коробки. Мне показалось, что звон посуды будет слышен на весь дом. Но я не успела возмутиться, что все это придется убирать — он подхватил меня, усадил на край стола, раздвинул мои ноги и вошёл в меня, даже не раздевая. Только халат раздвинул.

— Макс….!

— Молчи, — прошептал он. — Ничего более сексуального, чем еда в твоем исполнении я не видел.

Он двигался жестко, глубоко, но не больно — сладко. Вжимал меня в столешницу, целовал в губы, в шею. Я обхватила его ногами, вцепилась в плечи.

— Ты… невыносим… — бормотала я.

— Знаю.

Он кончил — и замер, уронив голову мне на плечо. Дышал тяжело, и я чувствовала, как бьётся его сердце.

— Лена, — прошептал он. — Ты убьёшь меня когда-нибудь.

— Ты первый начал, — ответила я, поглаживая его мокрые волосы.

Он отстранился, помог мне слезть со стола, поправил халат.

— Иди в душ, — сказал он, не отводя глаз от моих бедер, по которым все стекало. — Я пока приберусь.

— Ты приберёшься?

— А что? Я умею. — он с трудом оторвал взгляд. Встал. Прошелся по кухне.

Нашёл веник, начал подметать осколки. Я смотрела и не верила своим глазам. Двадцать два года, сын олигарха, наследник бизнеса — и он метёт пол в моей студии. Это что за приколы?

— Ты странный, — сказала я.

— Ага, — ответил он.

И улыбнулся.

После душа мне стало легче и как-то бодрее, мне нужно было готовиться к очередному уроку, потому что если и сегодня я пропущу работу, то в этом месяце денег мне не хватит даже на то, чтобы заплатить за студию.

Телефон Максима зазвонил в самый неподходящий момент. Он выругался — грязно, сочно, на всю кухню. Вытащил его из кармана джинсов (когда успел натянуть?), глянул на экран.

— Да, мат, — рявкнул он в трубку. — Что?

Слушал секунд десять. Потом закрыл глаза, потер переносицу.

— Я буду через час. Начинайте без меня. Нет, я не заболел. У меня… дела. Личные.

Он сбросил вызов, швырнул телефон на стол.

— Мне нужно уехать, — буркнул он, не глядя на меня. — Эти уроды без меня ничего решить не могут.

— Должен ехать, значит езжай, — сказала я, не зная, радоваться мне или расстраиваться.

— Должен. Но я вернусь. Вечером. Чтобы сидела дома. Я заеду. И отмени все вечерние уроки.

— Максим, я не могу…

— Можешь. Сегодня вечером без уроков. Скажешь, заболела.

— У меня репутация!

— У тебя теперь есть я. Я тебе новую репутацию сделаю.

Он подхватил пиджак, накинул его на плечи. Подошёл ко мне, прижал к себе, поцеловал — коротко, в уголок губ.

— Не вздумай сбежать опять, — прошептал он. — Иначе увидишь меня в гневе.

— Зануда, — ответила я, но голос прозвучал как-то… тепло, что ли.

Он усмехнулся и вышел.

Дверь закрылась. Я осталась одна, на кухне, где ещё всё пахло этим нелепым завтраком — и им.

Пришла в себя не сразу. А потом посмотрела на часы — и ахнула. Ученики! У меня через двадцать минут урок с Пашей, одиннадцатиклассником, который готовится к ЕГЭ.

Я рванула к зеркалу, кое-как привела себя в порядок, натянула чистое, включила ноутбук. Через пятнадцать минут уже сидела перед камерой, делая вид, что ничего не случилось.

Паша что-то читал. Я кивала, поправляла, объясняла — но мысли были далеко.

Потом был ещё один ученик — Соня, отстающая по-русскому. Я терпеливо разбирала с ней приставки «пре» и «при», но в голове крутилось другое. Его руки на столе. Его язык на моей шее. Его голос: «Лена, ты убьёшь меня когда-нибудь».

Занятия закончились. Я выключила камеру, откинулась на спинку стула. В теле приятно ныло, губы горели от поцелуев.

Но телефон пиликнул: «Я задержусь. Ложись без меня, я приду и тихонько лягу рядом. У меня есть твои запасные ключи, взял из тумбочки».

— Нахал, — сказала я вслух, но улыбнулась.

Глава 13. Хрустальное сердце

Саундтрек – Серебро «Скажи не молчи»

Я проснулась утром и первым делом подошла к окну. Его машины во дворе не было. Значит, не приехал. Не сдержал обещание. А ведь обещал приехать ночью, даже поздно.

В груди кольнуло, но я тут же одёрнула себя: «Лена, ты сама решила не быть с ним. Ты сама хочешь это закончить. Чего ты ноешь? Или так быстро подсела на молодого мальчика? А что будет дальше? Ведь будешь погружаться все глубже, а потом будет очень больно отпускать. А отпускать придется без вариантов. Так лучше чтобы сейчас. Ну переспали разок, с кем не бывает. Все с глаз долой, из сердца вон!»

Я заварила чай, села на подоконник и уставилась в серое утреннее небо.

Через день встреча с дочерью. Анечка. Моя девочка. Четыре года я видела её только под надзором, только на чужих территориях, только с разрешения бывшего мужа. И каждый раз, когда я её обнимала, чувствовала, как она отвыкает от меня. Как мои объятия становятся ей чужими, как она ищет глазами няню или отца.

«Анечка, доченька… — думала я. — Как мне тебя вернуть? Как вырвать из этого ада, где тебя делят, как вещь?»

Мысль о Максиме пришла сама собой. Его слова: «Я верну тебе дочь. Адвокаты, деньги, связи». Заманчиво. Чёрт возьми, как заманчиво. Я могла бы согласиться, да я в общем-то у же согласилась.

Но что потом?

Я не дура. Я понимаю, что такое абьюзивные отношения.

Понимаю, что рано или поздно он устанет. Найдёт молодую девочку, красивую, без целлюлита и морщин. Будет трахать её, а меня вышвырнет, как использованную вещь. Зато он вернет мне дочь.

— Так нельзя, Лена, — сказала я себе вслух. — Ты уже проходила через это. Сначала любил, потом бросил. Вадик тоже клялся в вечной любви. А потом появилась секретарша с молодым телом — и всё.

Я слезла с подоконника, налила ещё чаю.

Мне нужно действовать самой.

Поговорить с Вадимом по-человечески. Без истерик, без угроз.

Объяснить ему: я знаю про фальсификацию скандала. Я знаю, что он подставил меня. У меня есть доказательства — Максим их нашёл.

Если Вадим не согласится добровольно пересмотреть условия развода, вернуть мне дочь и отдать часть имущества (хотя бы квартиру, где я могла бы жить с Аней), я подам в суд. И тогда он потеряет всё.

Репутацию, бизнес, возможно, свободу. То, что у меня нет денег, чтобы подавать в суд и оплачивать адвоката, я ему говорить не буду, сделаю вид, что Макс согласился мне с этим помочь.

— Алименты, — прошептала я. — Я имею право на алименты. И дочь будет жить со мной. А он сможет видеться с ней, когда захочет.

Это был план. Разумный, взрослый, без мальчишек с их больной любовью.

Я почти поверила, что смогу его осуществить.

Прошлая ночь была не легкой. Я долго ворочалась. И мне привиделся вещий сон, наверное.

Мне приснился длинный коридор. Бесконечный, с высокими потолками и множеством дверей. Я шла по нему, открывала одну дверь за другой. Пустые комнаты. Тёмные. Пыльные. И вдруг — свет.

Я открыла очередную дверь и замерла.

Максим стоял посреди комнаты. Он обнимал какую-то девушку — молодую, с длинными волосами, в коротком платье. Он целовал её шею, его руки задирали подол, пальцы скользили по голой коже.

— Максим? — позвала я, но голос прозвучал еле слышно.

Он обернулся, увидел меня — и улыбнулся. Не той тёплой улыбкой, которой улыбался мне. Другой. Насмешливой, циничной.

— Упс, — сказал он. — Простите, друзья. Товарищи. Леночка, ты чего? Иди к нам, посмотри. Не будь занудой.

Девушка засмеялась. Он обнял её за талию и притянул к себе.

— Иди, Лена, — повторил он. — Что же ты? Не готова к этому? Мы тут веселимся.

Я попятилась. Слёзы хлынули из глаз.

— Лена, куда же ты? — его голос стал громче. — Лена, вернись! А ну стой, дура!

Но я бежала по коридору, открывала двери, билась в них, плакала.

Проснулась я от собственного всхлипа. Подушка была мокрой, лицо — в соплях и слезах. Я сидела на кровати, трясясь, и не могла успокоиться.

— Всё, — сказала я наконец пустой комнате. — Всё. Хватит.

Я решила твёрдо и окончательно: больше никакого Максима.

Сегодня же скажу ему. Чётко, без соплей. «Максим, у нас ничего не будет. Ты молодой, тебе нужна молодая. А я старая, уставшая, у меня дочь и разбитое сердце. Оно хрустальное, Максим. Если ты его разобьёшь — я не соберу. А ты разобьёшь. Обязательно. Потому что любовь не вечна, а одержимость — тем более».

Его не было, он не приехал. Ни утром, ни в обед. Телефон молчал.

Я накручивала себя всё сильнее. «Вот видишь? Уже забыл. Уже с другой. Уже…»

В пятнадцать тридцать пришло сообщение.

Я смотрела на экран и не могла открыть. Пальцы дрожали. Наконец, нажала.

«Лена, прости. Вчера освободился очень поздно, не хотел тебя будить. Сам устал чертовски, уехал к себе отоспаться. Сегодня приеду обязательно после работы. Забыл сказать. У меня для тебя новости: я нашёл адвоката. Лучшего в городе по семейным делам. Он готов заняться твоим делом. Вернём Аню тебе и восстановим в родительских правах. Всё будет, Лена. Обещаю. Не теряй надежды. Я заеду вечером, жди».

Я перечитала сообщение три раза. Четыре. Потом уронила телефон на стол и закрыла лицо руками.

Он не забыл. Не бросил. Он нашёл адвоката. Он хочет вернуть мне дочь. Но что он делал ночью?

— Что же мне теперь делать? — прошептала я.

Сердце — это хрустальное, которое я сама назвала хрупким — билось так, что грозило разлететься вдребезги. Только теперь не от боли, а от нежности. От страха. От надежды.

Я не знала, что ответить. Не знала, что думать. Не знала, хватит ли у меня сил сказать ему «нет».

Но одно я знала точно: этот мальчик, этот бешеный, невыносимый, не умеющий проигрывать мальчик — он не шутил. Он действительно любил меня. По-своему. Страшно. Бесповоротно.

«Я заеду вечером, поговорим».

— Хорошо, приезжай, как раз и расставим все точки, — подумала я.

Глава 14. Константа

Саундтрек – NЮ«Как же мы»

Вечером я вышла в магазин. Надеялась, что он приедет — не могла не надеяться, после его сообщений, после всего, что между нами было. Решила не заморачиваться, но приготовить что-то домашнее. Овощное рагу с мясом, простой салат из помидоров и огурцов. Быстро настрогала, поставила тушиться и побежала за продуктами, которых не хватало.

В магазине я зависла у витрины с зеленью, выбирала петрушку. Телефон лежал в сумке, вибрацию я не слышала.

Я спохватилась, только когда уже стояла на кассе. Достала телефон — шесть пропущенных от Максима. Перепугалась сама, нажала на вызов.

— Лена? — его голос был хриплым, испуганным. — Ты где, блядь?!

— В магазине, — ответила я. — Я сейчас, я уже выхожу.

— Твою мать, — выдохнул он. — Я думал… неважно. Иди сюда быстрее.

Я прибежала с двумя пакетами. Он в коридоре, бледный, с каменным лицом. Пропустил меня внутрь, молча. Я зашла, поставила пакеты на стол. И только тогда заметила на кухне другие пакеты — с логотипом дорогого ресторана.

— Ты что, — сказала я, — вообще кормить меня собрался все время?

— Да, — он усмехнулся, но глаза оставались напряжёнными. — Тут очень вкусное. Я заказал заранее.

— А я рагу тушу? — я кивнула на кастрюлю.

— Не пропадет, останется на завтра. Сегодня будем есть мою еду.

Мы открыли его контейнеры: паста с морепродуктами, тёплый салат с уткой, десерт. Он достал вино, разлил по бокалам. Я отхлебнула, набралась смелости. Мне нужно было сказать. Сейчас или никогда.

— Макс, — начала я. Он насторожился. — Ты удивительный. Ты прекрасный. Ты невозможный. Но…

— Не надо «но», — перебил он.

— Надо, — я поставила бокал. — Я просто не могу. Я не могу, потому что если у нас что-то не получится, я буду раздавлена. Пожалуйста, давай по-хорошему. Мне очень надо вернуть дочь, но не ценой разбитого сердца. Пожалуйста, Макс, давай прекращать. Я тебя по-хорошему прошу.

Он опустил вилку. Медленно. Посмотрел на меня. Его взгляд стал тяжёлым.

— Лен, — сказал он тихо. — Хватит нести херню. Пожалуйста, Лен. У нас с тобой разговор слепого с глухим. Немого с глухим. Давай просто доверься мне.

— Не могу я довериться! — я сорвалась на крик. — Не могу! У меня уже диагноз? Невроз? Понимаешь? Я не могу успокоиться! И не хочу ничего!

Меня колбасило. Слёзы подступали к горлу, я дрожала.

Он вскочил, сгрёб меня в объятия, прижал к себе.

Целовал в макушку, в висок, в щёки — быстро, жадно.

— Нет, Максим, — я попыталась оттолкнуть его. — Нет, отстань.

Он не отставал. Целовал, гладил по спине, шептал что-то бессвязное.

— Хватит! — я вывернулась, повернула его лицо к себе, заглянула в глаза. — Хватит, перестань. Этим мы не решим наши проблемы.

Он замер. Отпустил меня.

Отошёл на шаг. Дышал тяжело, зрачки были расширены, взгляд — ненормальный, бешеный.

— Макс, — сказала я уже спокойнее.

— Давай решим по существу. Я тебе сказала свою точку зрения, ты мне — свою. Нам надо найти перемирие.

— Понимаешь, услышь меня? Иначе что, мне убегать от тебя? Я не хочу убегать. У меня здесь дочь.

Он нервно прошёлся по комнате, схватился за волосы.

Ходил, как зверь в клетке.

— Лена, — заговорил он сбивчиво. — У меня такая херня на работе. Столько всего навалилось. Пожалуйста, Лена, давай не сейчас. Давай не между нами. Побудь у меня опорой. Хотя бы одной константой в моей жизни. Чтобы я знал, что дома есть ты, которая меня любит. Дай я там всё разрулю. А потом мы всё разрулим с тобой. Или параллельно — с твоей дочерью.

— Но только, пожалуйста, не подбивай мне клинья под мои сваи.

— Я хочу, чтобы у меня была опора.

— Лена, прошу тебя. Давай.

— Не заставляй меня сходить с ума и идти на крайности. Потому что если ты не послушаешь моего вменяемого, я пойду на меры невменяемый.

— Лен, понимаешь?

Мне стало страшно.

— Какие невменяемые? — спросила я, чувствуя, как холодеет внутри. — Ты что вообще? Что ты хочешь сделать?

Он остановился, посмотрел на меня.

— Лена, ты нужна мне. Просто с этим смирись. Просто смирись, что ты мне нужна и будешь со мной.

— Иначе что? — прошептала я.

— Ничего, Лен, — он усмехнулся, но в глазах не было веселья. — Иначе будешь жить просто в моём доме под замком.

— Да ты сумасшедший! — выдохнула я.

— Да, — сказал он. — Я сумасшедший. Я повернут на тебе. Просто услышь меня, бл..ть, Просто услышь. У нас все же хорошо и будет еще лучше, если ты уймешь своих тараканов в голове.

Он отвернулся к окну. Я осталась стоять посреди кухни. Вино в бокале остывало. Рагу, которое я так старательно тушила, дышало паром на плите. А между нами висела тишина — тяжёлая, безысходная.

И я не знала, что с ней делать.

Я стояла, прижимаясь спиной к стене.

Максим молчал, и в этом молчании было что-то страшное, бесповоротное.

— Ты не сделаешь этого, — тихо сказала я. — Не запрёшь меня. Потому что тогда я тебя возненавижу.

Он обернулся. Глаза — уставшие, красные, но взгляд — спокойный.

— Лучше ненависть, чем равнодушие, — ответил он. — Ты не представляешь, каково это — быть одному. Когда тебя никто не ждёт. Никто не думает. Никому нет до тебя дела. А я хочу, чтобы ты была. Просто была. Рядом.

Он подошёл, взял со стола свой бокал, одним глотком допил вино.

— Я не буду тебя запирать, Лена. Мне это не надо. Просто… дай мне шанс.

Глава 15. Воскресная мама

Саундтрек – ИгорьНиколаев«Маленькая дочка»

Суббота. День, который я ждала всегда.

Я стояла у дверей нашей бывшей квартиры. Шикарной, в центре, с высокими потолками и видом на парк. Здесь я прожила четырнадцать лет. Здесь родилась Аня. Здесь я была счастлива — до того дня, когда Вадик не вышвырнул меня вон.

Теперь здесь жил он с новой женой и моей дочерью. Моей. Формально. А по факту — воскресная мама, приходящая гостья, которая приезжала на два часа и уезжала в слезах.

Я нажала на кнопку домофона. Долго никто не отвечал, будто меня проверяли на прочность. Потом раздался щелчок, и дверь подъезда открылась.

Я поднялась на лифте. Сердце колотилось где-то в горле.

Дверь открыл Вадик. Он был в домашней одежде, но при параде — дорогая футболка, идеальные джинсы, лёгкая небритость. Улыбался снисходительно, как будто делал мне одолжение.

— Привет, Лен. Проходи, Аня сейчас спустится.

— Здравствуй, — ответила я сухо и зашла.

В гостиной всё изменилось. Новая мебель, другие обои, на стенах — фотографии Вадика с Ниной и Аней. Счастливые лица. Меня на них не было. Конечно.

— Садись, — он кивнул на диван. — Жди. Она рада тебя видеть.

— Откуда ты знаешь? — спросила я, не садясь.

— Потому что она ребёнок, а ты её мать. Даже если редко видитесь.

Он говорил это так спокойно, будто не он отбирал у меня дочь, не он платил судьям и адвокатам. Я молчала, сжимая кулаки.

С лестницы раздался топот маленьких ног.

— Мама! — крик Ани разорвал тишину.

Она бежала ко мне, растрёпанная, в розовом платье, с бантом, который съехал набок. Я упала на колени, раскрыла руки, и она врезалась в меня, как маленькая ракета.

— Анечка, моя девочка… — прошептала я, вдыхая её запах, гладя по волосам. — Как я скучала…

— Я тоже, мама, — она отстранилась, посмотрела на меня серьёзно. — А почему ты так редко приезжаешь? Папа говорит, ты занята работой. Но я знаешь что?

— Что?

— Я думаю, ты просто меня не любишь.

У меня сердце разорвалось на куски.

— Люблю, — выдохнула я. — Очень сильно люблю. Просто… так получилось, что я не могу быть рядом каждый день. Но я очень хочу это изменить. Скоро всё наладится.

— Правда? — она смотрела с надеждой.

— Правда, — сказала я твёрдо. — Обещаю.

Вадик за моей спиной кашлянул. Я обернулась. Он смотрел на меня с лёгкой усмешкой.

— Ну-ну, — сказал он. — Обещаешь, значит. Посмотрим.

Аня потянула меня за руку.

— Мама, пойдём, я покажу тебе свою комнату! У меня новая кукла, её зовут Роза, и у неё платье с блёстками!

Я пошла за ней, чувствуя на себе его взгляд. Он что-то задумал. Я не знала, что именно, но это меня пугало.

Комната Ани была светлой, с розовыми обоями, полной коробкой игрушек и большим окном. Я села на ковёр, она принесла куклу, начала рассказывать, как они живут, что едят, куда ходили с папой и «Ниной». Она не называла Нину мамой. Никогда не называла. За это я была ей благодарна.

— А ты, мама, где живёшь? — спросила она. — Можно я к тебе приеду?

— Конечно, — сказала я. — Как только налажу дела с жильём, ты приедешь.

Вадик появился в дверях.

— Анечка, оставь нас с мамой на пару минут, хорошо? Сходи, принеси ей сок.

Аня убежала, оставив нас вдвоём. Я встала.

— Что ты хочешь, Вадим?

— Поговорить, — он подошёл ближе. — Тот твой… ученик. Он тебе уже наобещал с три короба?

— Это не твоё дело.

— Моё, — он усмехнулся. — Потому что речь идёт о моей дочери. И о моём бизнесе. Ты знаешь, что его отец был моим партнёром?

— Знаю.

— А знаешь, что этот мальчишка хочет меня разорить?

Я промолчала.

— Лена, — он взял меня за руку. Я выдернула. — Лен, давай по-хорошему. Я верну тебе квартиру, буду платить алименты, ты сможешь видеться с Аней когда захочешь. Всё, что просила. Просто… не впутывайся в его игры. Не дай ему использовать тебя против меня.

— Он не использует, — сказала я. — Он любит меня.

— Любит? — Вадик засмеялся. — Он мальчишка. У него гормоны играют. А ты, взрослая женщина, повелась. Стыдно, Лен.

— Заткнись, — процедила я. — Ты не имеешь права меня учить. Ты, который променял меня на секретаршу и отобрал дочь. Ты вообще кто такой, чтобы судить?

— Я отец Ани, — жёстко ответил он. — И я не позволю какому-то выскочке разрушить то, что я строил годами.

— Ты строишь только свой карман, — бросила я. — О дочери ты вспомнил, когда тебе понадобилось меня шантажировать.

Аня вернулась с соком в руках. Посмотрела на нас настороженно.

— Мама, папа, вы ссоритесь?

— Нет, милая, — улыбнулась я. — Мы просто разговариваем.

— Тогда обнимайтесь, — потребовала она.

Вадик подошёл, неловко обнял меня за плечи. Я чувствовала его запах — такой знакомый, но уже чужой. Аня счастливо засмеялась.

— Вот так, — сказала она. — Теперь вы друзья.

Я посмотрела на Вадика поверх её головы. Он улыбался, но глаза были холодными. Я знала — это не мир. Это временное перемирие. Он что-то задумал.

Через час я ушла. Аня махала мне с порога, проговорила: «Приезжай ещё, мама!». Я кивнула и не оборачивалась, чтобы она не увидела моих слёз.

В такси я сидела долго, сжимая ремень. Потом позвонила Максиму.

— Алло, — голос его был встревожен. — Ты где?

— От Вадика. Только что.

— Он что-то сделал?

— Нет. Пока нет. Но он что-то задумал, я чувствую. Он сказал, что ты хочешь его разорить.

— Хочу, — спокойно ответил Максим. — И разорю. Но не из-за тебя. Из-за того, что он моего отца кинул. И тебя. Так что не лезь.

— Я уже влезла, — сказала я. — Я его бывшая жена. И мать его дочери. Ты что, не понимаешь? Он меня использует, чтобы добраться до тебя.

— Не использует, — отрезал Максим. — Потому что я тебя в обиду не дам. Приезжай ко мне.

— Не могу. Я хочу побыть одна.

— Лена…

— Пожалуйста, Максим. Просто дай мне вечер.

Тишина. Потом:

— Хорошо. Но будь на связи. И не вздумай к нему возвращаться.

— Не вздумаю, — пообещала я и сбросила вызов.

Я посмотрела на дом, в котором осталась моя дочь. Он был красивым, дорогим, ухоженным.

— Я вернусь за тобой, — прошептала я дочери. — Обязательно вернусь.

Глава 16. Неудачница

Моя Мишель «Химия»

После субботней поездки к Вадику я чувствовала себя выжатой, как лимон. Аня, её слова «ты просто меня не любишь», холодные глаза бывшего мужа — всё это сидело во мне занозой. Я почти не спала в воскресенье, а в понедельник утром собралась к матери.

К матери я ездила раз в две недели, реже — раз в месяц. Не потому, что не любила. Просто каждое такое свидание высасывало из меня остатки сил. Она была мастером делать замечания, сыпать упрёками и заставлять чувствовать себя виноватой во всех грехах мира.

Её квартира — двухкомнатная, находилась в старом панельном доме, с запахом капусты и дешёвых лекарств. Я зашла в нос ударил привычный аромат кошачьего корма и валерианы.

— Мам, я пришла, — сказала в пустоту.

— Слышу, — раздалось из кухни. — Не глухая ещё.

Я прошла на кухню. Мать сидела за столом, пила чай из любимой кружки с трещиной. Рядом на подоконнике, свернувшись калачиком, дремал кот.

— Здравствуй, — сказала я, садясь напротив.

— Здравствуй, неудачница, — ответила она беззлобно, но как-то привычно.

— Могли бы без «неудачница», — вздохнула я.

— А кто ты есть? Мужика нет, работы нормальной нет, дочь у бывшего живёт. Квартиру снимаешь. Что ты есть, Лена? Скажи мне.

Я молчала. Спорить было бесполезно.

— Как твоё здоровье? — перевела я тему.

— А что моё здоровье? Пью-кашляю. Твоими заботами, спасибо, лекарства привозят, продукты. Без тебя бы уже с голоду сдохла.

Кот на подоконнике открыл один глаз. Посмотрел на меня жёлтым, мудрым взглядом. Я улыбнулась ему.

— Здравствуй, Тихон, — сказала я.

Тихон — рыжий, с белым галстучком на груди. Он появился у матери три года назад, когда соседка подбросила котят. Мать хотела выкинуть, но я уговорила оставить одного. Тихон быстро вырос в огромного, флегматичного кота с аристократическими замашками.

— Мяу, — ответил он мне. Медленно, многозначительно, будто хотел сказать: «Ну, опять вы с ней сцепились. Дай бог, быстрее уйдёшь».

— Чё ты с ним лясы точишь? — мать отодвинула чашку. — Он глухой, как пробка. Разговаривать не умеет.

— Умеет, — сказала я.

Мать фыркнула, но беззлобно. Тихон спрыгнул с подоконника, неторопливо подошёл ко мне, потёрся о ногу. Я погладила его, он заурчал, как трактор.

— Ты продукты принесла? — спросила мать, поглядывая на мою сумку.

— Да. Вот, купила тебе курицу, гречку, творог. И лекарства, которые просила. И витамины.

— Могла бы деньги дать, — буркнула она. — Сама бы выбрала.

— Ты сама бы выбрала конфеты и колбасу, — усмехнулась я. — А потом жаловалась на давление.

— Всё ты знаешь, умная, — мать отвернулась. Но продукты приняла, начала перебирать пакеты.

Тихон запрыгнул мне на колени, улёгся, посмотрел на мать сверху вниз.

— Ты бы хоть мужика себе нашла, — снова начала она. — Не молодого уже, но чтобы деньги были. Или ты всё ещё по Вадику… сохнешь?

Я покраснела.

— Ни по кому я не сохну, мам.

— А чего краснеешь? Знаю я тебя. Всю жизнь за неправильных цепляешься. Сначала Вадик — ушёл к молодой. Теперь наверное еще кого-то нашла. Тебе лишь бы проблемы.

— Мам, прекрати, — попросила я.

— Чего прекрати? — она не унималась. — Правду говорю. Ты посмотри на себя. Тебе уже под сорок, а ты как курица мокрая. Ни дома, ни семьи, ни мужа. Вот у Лариски дочка замуж вышла за иностранца, уехали в Испанию. А ты?

— У нас с тобой на каждый чих своя Лариска, — пробормотала я, гладя Тихона.

Тихон поднял голову, посмотрел на мать с таким видом, будто хотел сказать: «Ведьма старая, оставь человека в покое». Потом закрыл глаза и заурчал громче.

— И с котом только и можешь разговаривать, — мать вздохнула. — Дурдом.

Через час я ушла. Мать сунула мне в сумку банку солений («сама солила, выбросить жалко»), поцеловала в щеку сухими губами. Тихон сидел на пороге, смотрел мне вслед.

— Пока, Тихон, — сказала я. — Береги её.

— Мяу, — ответил он философски.

На выходе я выдохнула. Родственники — это крест, который несёшь всю жизнь. Мать не злая. Она просто усталая и несчастная. И меня хотела видеть такой же.

Вечером, когда я уже разбирала сумки, пришло сообщение от Максима:

«Сегодня в восемь. Буду у тебя. Приготовься, поедем в ресторан. Без возражений. Надень что-нибудь красивое.»

Я вздохнула. Какой ещё ресторан? Я не выспалась, у меня мешки под глазами, и вообще я хотела лечь и не вставать.

Я подошла к шкафу. Достала единственное чёрное платье — то самое, купленное ещё до развода. Оно сидело по фигуре, обтягивало, но не вульгарно. Декольте — довольно глубокое, показывающее то, что я старательно прятала: грудь у меня не большая, но красивой формы, она не висела даже после тридцати пяти.

Я никогда не гордилась собой, но сейчас, глядя в зеркало, подумала: а почему бы и нет?

Я вымыла волосы, сделала лёгкий макияж, нанесла помаду — тёмную, вишнёвую. Надела туфли на каблуках, с которыми почти не ходила. Покрутилась перед зеркалом.

— Ничего, — сказала себе. — Молодой красивый, а ты — женщина с опытом, но тоже ничего. Может, он и оценит.

Тихона бы сюда. Он бы сказал: «Мур, неплохо». А мать бы сказала: «Опять вырядилась, старая кобыла».

Я улыбнулась своему отражению. И ждала.

Ровно в восемь раздался звонок в дверь.

— Я готова, — посмотрела в глазок и открыла.

Максим стоял на пороге. В пиджаке, галстуке, свежевыбритый с букетом роз в руках. Смотрел на меня и молчал. Потом медленно перевёл взгляд с лица на платье, на туфли, снова на лицо.

— Ты… — начал он. — Ты…

— Что? — я нервничала.

— Ты убьёшь меня когда-нибудь, — выдохнул он. — Возьми цветы и пошли от сюда. Пока я не передумал.

Я покраснела, но улыбнулась.

— Как скажете, Максим Викторович.

Поставила цветы в вазу на кухне, они были очень красивые, закрыла двери, и мы вышли в вечерний город.

Глава 17. Белый кролик

Саундтрек – Гостииз будущего«Все решено за меня»

Мы спустились во двор. Я всё ещё чувствовала себя не в своей тарелке — туфли жали, платье казалось слишком открытым, а в голове крутилось: «Куда мы едем?»

Максим открыл передо мной дверь машины. Я замерла.

Это был его огромный чёрный внедорожник. Внутри — кожа кремового цвета, дерево, панели, которые светились, когда он включил зажигание. Кнопки, подстаканники, подогрев сидений, какой-то планшет вместо торпеды.

— Садись, — сказал он, и я послушно опустилась на мягкое сиденье.

Салон пах дорогим парфюмом и кожей. Я боялась пошевелиться, чтобы что-то не сломать, не поцарапать.

— Расслабься, — Максим сел за руль. — Это всего лишь машина.

— Такая машина стоит больше моей квартиры, — пискнула я.

— Не дёргайся, — он вырулил со двора. — Все мои вещи — дорогие, шикарные — для тебя тоже.

Я не нашлась, что ответить, ну не начинать же опять с ним спорить, что я еще ничего не решила по поводу нас.

Через полчаса мы остановились у высотного здания в центре. На вывеске — «White Rabbit». Максим отдал ключи парковщику, подал мне руку.

Ресторан оказался на последнем этаже. Огромные окна от пола до потолка, вид на Москву — огни, дороги, высотки. Внутри — полумрак, живая музыка, на столах свечи. Нас проводили в отдельную зону, отгороженную стеклянными панелями.

— Здесь никто не помешает, — пояснил Максим.

Официант принёс меню. Я открыла — цены были такими, что я невольно пересчитала нули.

— Не смотри, — сказал Максим. — Я заказываю.

Он что-то сказал официанту. Тот кивнул.

Принесли шампанское. Мы чокнулись.

— А теперь ешь, — сказал Максим. — Я хочу, чтобы ты попробовала эту рыбу. Она очень редкая, специально заказывал. И устрицы, и икру — всё это для тебя.

На столе появились тарелки. Я попробовала — было невероятно вкусно.

— Макс, — начала я, вытирая губы салфеткой. — Нам надо обсудить дела. Наши отношения, что дальше, как быть с Аней…

— Лена, — он отодвинул бокал. — Давай потом. Я хочу, чтобы ты расслабилась.

— Когда потом? — не унималась я.

Он не ответил. Вместо этого придвинул ко мне свой телефон.

— Посмотри.

— А что это? — спросила я.

— Адвокат, — ответил он. — Я выбрал его для тебя. По семейным делам. Лучший в городе. Он поможет отсудить Аню.

Я уставилась на экран. Фото мужчины в костюме, какие-то регалии, список дел, которые он выиграл.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. На следующей неделе встречаешься с ним. Обсудите всё.

Я хотела спросить про цену, про сроки, но не успела.

К нашему столику подошла девушка.

Красивая, молодая, лет двадцати пяти, с длинными светлыми волосами, в облегающем красном платье.

— Макс? — сказала она, улыбаясь. — Вот так встреча!

Максим напрягся.

— Алина, — сухо ответил он. — Здравствуй.

— А я думала, ты забыл меня, — она кокетливо наклонила голову. — А ты с… мамой?

Я поперхнулась вином. Закашлялась, покраснела.

— Это моя женщина, — сказал Максим чётко, разделяя слова. — Елена.

Алина скривилась. Быстро, но я заметила.

— Очень приятно, — протянула она. — Алина. Мы с Максом… раньше работали над одним проектом.

— Не работали, — перебил Максим. — Встречались. Но все точки над i мы поставили уже давно.

— Макс, у меня остались кое-какие вопросы, — Алина не сдавалась. — Нам надо встретиться, поговорить.

— Не сейчас, — отрезал он.

— Когда? — она не отставала.

— Я позвоню.

— Не забудь, — она перевела взгляд на меня.

— Есть один вопрос. Это важно. Проект, который касается твоего и моего отцов.

Максим замер. Его отец — больная тема.

Он повернулся ко мне.

— Лена, извини, пожалуйста. Я на пять минут выйду, объяснюсь и приду. Как раз, ты пока кушай.

— Хорошо, — выдавила я.

Он поцеловал меня в висок и вышел из-за стола. Алина грациозно направилась за ним.

Я осталась одна.

Еще принесли заказ— красивую рыбу, какие-то соусы, икру. Я смотрела на тарелки, но кусок в горло не лез.

Я сидела за столиком, залитым светом свечей. Вокруг — красивые люди, приглушённая музыка, тихие голоса. А я чувствовала себя чужой.

Он ушёл с ней.

И я не знала, когда он вернётся.

Я проследила за ними взглядом. Потом посмотрела на тарелку. Рыба остыла. Соус застыл. Икра — наверное, очень дорогая — лежала нетронутой.

— Ешь, — сказала я себе. — Не пропадать же добру. Это должно быть очень вкусно.

Я поковыряла рыбу вилкой. Отрезала маленький кусочек, положила в рот. Не почувствовала вкуса. Выпила шампанское — ещё и ещё. Стало скучно. Очень скучно. И одиноко.

— Пойду освежусь, — сказала я себе и встала.

Я вышла из VIP-ложи, пошла по длинному коридору. Огни приглушённые, ковры толстые, музыка еле слышна. Я искала табличку «WC», завернула за угол — и замерла.

Дверь в комнату была приоткрыта. Не закрыта до конца. Сквозь щель пробивался свет.

Я заглянула.

Там стоял Максим. В своём шикарном пиджаке, который так красиво сидел на его плечах. Спиной ко мне. А перед ним — Алина. Она обнимала его за плечи, прижималась томно, склонив голову набок, почти касалась щекой его шеи.

Я отпрянула.

Сердце ухнуло вниз. Внутри всё оборвалось. Я не стала ждать. Я развернулась и быстро пошла обратно.

По коридору, мимо официантов, мимо зеркал. Наша ложа. Моя сумочка. Я схватила её, накинула на плечо.

— Извините, — бросила официанту, который хотел что-то спросить.

Не слыша, не видя, я бежала.

Лифт. Я нажала кнопку, подождала секунду — показалось, что вечность. Потом побежала к лестнице. Вниз по ступенькам, шестнадцать этажей, но я не считала. Я бежала, сжимая сумочку, и думала: «Как же я могла быть такой дурой? Как я могла поверить, что это серьёзно? Молодой, красивый, богатый — и я, старая тётка. Он развлекается. А я — дура».

Переходы, двери, лестницы. Я запуталась в этих чёртовых лабиринтах, но всё-таки нашла выход.

На улице я поймала такси и назвала адрес своей студии.

— Девушка, вы чего? — спросил водитель, глядя на меня в зеркало.

— Аллергия, — ответила я, но не заплакала.

Я сидела сжавшись, смотрела на ночной город и думала: «Столько унижений за один вечер. И с мамой сравнили. И он стоял, а она на нём висела. Так будет всегда. Всегда». Я вспомнила свой чемодан в углу. Вспомнила подругу Надю в Казани, которая давно звала в гости. «Соберу вещи, — подумала я. — Сяду на поезд и уеду. На неделю, на две. Подальше от него, от этих ресторанов, от этих девок и от всего этого дерьма».

Такси остановилось у моего подъезда. Я расплатилась, вышла.

Сразу же выключила телефон еще в такси, чтобы он не названивал.

Я поднялась к себе, скинула туфли, прошла на кухню. Налила воды, выпила.

Посмотрела на чемодан в углу.

И начала бросать туда самое необходимое. Потом закрыла и села на диван.

Глава 18. Психолог

Саундтрек – Гости из будущего «Он чужой»

Такси летело по ночному городу, а я сжимала телефон в потной ладони и не знала, кому позвонить. Матери? Бесполезно, она скажет: «Я же тебе говорила». Подругам из бывшей жизни? Я с ними почти не общалась. Оставалась только Лара.

Я нажала вызов.

— Ленка? — её голос был сонным, но сразу напрягся. — Ты чего в полночь?

— Лар, мне плохо, — сказала я, и голос предательски дрогнул.

— Ты где? Приезжай.

— Я еду к себе. Можно с тобой поговорить? По телефону?

— Валяй.

Я рассказывала. Сбивчиво, перескакивая с одного на другое. Про ресторан. Про Алину, которая назвала меня мамой. Про Максима, который ушёл с ней в VIP-комнату. Про то, как я подглядела за дверью.

— Лар, она на нём висела. Обнимала за плечи. А он стоял. Я не выдержала. Просто выбежала.

— Подожди, — Лара кашлянула. — Он что, с ней трахался?

— Нет! Но она так… так томно прижималась.

— А он?

— Стоял как… не знаю.

— Слушай, Лен, — Лара вздохнула. — Ты же сама рассказывала, что он к тебе четыре года ездить не мог. А отношения у него с кем-то были все равно? Или он монахом жил?

— Ну… были. Он не скрывал.

— Вот. То есть он мужик со здоровым либидо. И если бы хотел с ней перепихнуться — мог бы и раньше. А тут он с тобой в ресторане, сидит, смотрит на тебя. И какая-то бывшая его отвлекает. Ты бы на его месте что сделала?

— Не знаю, — буркнула я.

— Отодвинула бы и послала. Если бы не была заинтересована. А если бы нужно было что-то решить по делам — вышла бы, поговорила и вернулась.

Я молчала.

— Но тыэтого не видела, как они говорили. Ты увидела один кадр и нарисовала в голове порно. Так?

— Наверное, — прошептала я.

— Ладно. Сейчас не об этом. Ты дома?

Такси остановилось у подъезда.

— Уже.

— Иди, переоденься, выпей воды. Я подожду.

Я поднялась в студию, скинула туфли. Налила воды, выпила залпом. Потом села на диван, уставилась в потолок.

— Я здесь, — сказала в трубку.

— Давай теперь по порядку. Расскажи мне о нём. О Максиме. Какой он? Что чувствуешь к нему?

Я молчала несколько секунд, собираясь с мыслями.

— Он… сильный. Упрямый. Иногда кажется, что он не понимает слова «нет». Или не хочет понимать. Он злится, когда я не соглашаюсь, говорит, что найдёт способ сделать все равно так. Но… он же не бьёт, Лар. Не оскорбляет.

— Пока не бьёт, — уточнила Лара. — А что ещё? Ты говорила, он шантажировал тебя учениками?

— Да. Но это было в самом начале. Потом… он передумал. Или передумал так делать. Он нашёл мне адвоката, вернёт квартиру, поможет с Аней. Он же не врал в этом.

— А что в остальном? Контролирует? Ревнует?

— Да, ревнует. Дико. Следит за мной через какого-то детектива. Знает, где я, с кем.

Лара выдохнула.

— Знаешь, Лен, по психологии это называется абьюзивные отношения. Когда один партнёр нарушает границы другого, манипулирует, чтобы подчинить волю жертвы. Есть даже классификация абьюзеров. Контролирующий тип — это как раз про него: ему нужно знать всё о тебе, он постоянно в курсе, где ты и с кем. Он требует отчётов и злится, когда что-то идёт не по его плану. Это может выглядеть как забота, но на деле — попытка управлять твоей жизнью.

— Но он же заботится, — возразила я.

— Забота — это когда он спрашивает, что тебе нужно, и делает, как ты хочешь. Контроль — когда он решает за тебя, даже если ты против. Чувствуешь разницу?

Я промолчала.

— А ты слышала про синдром Адели? Такое бывает у людей, которые в детстве не получили достаточно материнской любви или потеряли мать. У них формируется болезненная, почти наркотическая одержимость объектом страсти. Он тебя не просто любит — он зациклен на тебе. Ты для него не человек, а способ заполнить внутреннюю пустоту.

— Он потерял мать, — тихо сказала я. — Ему было девять лет. Отец постоянно на работе. Вокруг только наёмные люди.

— Вот видишь. Он искал в тебе не женщину, а мать, которая даст любовь и тепло. А потом это переросло во что-то болезненное. Он не умеет любить по-другому, просто не научили.

Я закрыла глаза.

— И что мне делать, Лар?

— Вариантов несколько. Первый — уйти. Полностью порвать. Сменить номер, переехать, скрыться. Но ты сама понимаешь, он тебя найдёт. У него деньги, связи.

— Второй?

— Принять его таким. Понять, что он не изменится. Будет ревновать, контролировать, иногда нарушать твои границы. Сможешь жить с этим — живи. Нет — беги.

Я вздохнула.

— А третий? Ты же психолог, должна знать, как перестроить отношения.

— В здоровых отношениях — да. Но он нездоров. У него другая оптика восприятия. Единственный способ — попробовать перехватить инициативу. Говорить «нет», даже если он злится. Не поддаваться на шантаж. Ставить жёсткие границы. И наблюдать.

— Наблюдать?

— За тем, как он реагирует. Если уважает — остаётся шанс. Если нет — беги. Психологи советуют ещё не обесценивать его чувства и не пытаться переделать, но при этом твёрдо отстаивать себя. Но Лен… честно? В классической психотерапии такие отношения считаются деструктивными. Ты рискуешь потерять себя. Уже теряешь.

— А если я хочу попробовать?

— Тогда заведи «план безопасности». Документируй, если будет угрожать. Храни деньги отдельно. Договорись с кем-то, кто сможет приютить. Но я как подруга говорю: не лезь ты в это. Ты уже сломлена. Ещё немного — и он выпьет из тебя всё.

Я посмотрела на чемодан в углу.

— Лар, я хочу уехать. Собрать вещи и уехать на несколько недель к подруге в Казань.

— Отличная идея, — обрадовалась она. — Правда. Воздух сменишь, подумаешь. Если нужны деньги — скажи.

— Спасибо.

— И ещё, Лен. Ты говорила про свой диагноз. Про постменопаузальную гиперсексуальность.

— Да, и что?

— Это не болезнь, но психотерапевты подтверждают, что на фоне гормональных изменений либидо может усиливаться. Но твоя реакция — не только гормоны. Ты одинока, тебе не хватает мужского внимания. А он молодой, сильный, так что накладывается одно на другое. Не вини себя за желание, ты нормальная.

— Спасибо, Лар, — я улыбнулась сквозь слёзы.

— Давай. Если решишь уехать — дай знать. И помни: ты не одна. Ты сильная, просто забыла об этом. Давай, собирай вещи. Отдохни и подумай.

— Спокойной ночи, — сказала я.

— Удачи, Ленка.

Я сбросила вызов и посмотрела на чемодан. Поднялась, накидала туда быстро вещей на первое время, схватила документы, косметичку и сумочку, переобула кроссовки, джинсы. Выкатила чемодан из квартиры, и спустилась на лифте во двор.

Глава 19. Одурь

Саундтрек – NЮ«Земля-воздух»

День у Макса не задался с самого утра.

В дверь постучали, едва он успел сделать первый глоток кофе. Помощник — вечно встрепанный, с папкой договоров — выпалил расписание на пять часов вперёд.

— Максим Викторович, встреча с инвесторами в девять, совещание в одиннадцать, обед с партнёрами…

— Хватит, — бросил Максим. — Я помню.

Он знал этот распорядок наизусть. Каждый день — бесконечная карусель: звонки, переговоры, споры. Отец оставил империю, но не оставил инструкции, как выжить, когда тебе двадцать два и половина совета директоров мечтает сместить тебя.

— Обед с Юричем отмени. Перенеси на завтра.

— Но он будет недоволен…

— Мне всё равно.

Помощник исчез. Максим взял телефон. Написал Лене.

Отправил. И только тогда выдохнул.

Он не видел её два дня. Два дня — как вечность. С того разговора на кухне, когда она просила «прекратить», а он психанул. Она теперь отвечала коротко, сухо. На звонки брала не всегда.

Злилась. Боялась.

А он сходил с ума. Пальцы сводило, когда думал о ней. Что делает? С кем говорит? Улыбается кому-то?

Ненавидел себя за это. И ничего не мог поделать.

День тянулся бесконечно. Совещание, на котором один из старых волков попытался оспорить его решения. Звонок от адвоката — наследство будет оформляться еще долго. Переговоры, где его пытались развести.

Он сидел с каменным лицом, кивал, спорил, доказывал. А мысли были там — где она. В его кровати. В его рубашке. С распущенными волосами и усталой улыбкой.

«Скорее бы вечер», — подумал он, когда очередной партнёр начал нудно излагать условия.

К пяти он был выжат как лимон. Хотелось бросить всё, сорваться и поехать к ней сейчас. Но он понимал: нельзя.

Она взрослая женщина. Ей нужна не его бешеная страсть, а стабильность. Рестораны, театры, нормальные разговоры. Он должен дать ей это.

Должен доказать, что он не просто мальчишка с членом вместо головы, а мужчина, с которым можно построить жизнь.

Он заказал цветы. Красные розы, длинные, на толстых стеблях. Даже не посмотрел на ценник.

В семь он выехал. Внедорожник летел по вечернему городу, он сжимал руль и думал: «Увижу её — и башню снесёт».

Он поднялся на третий этаж, позвонил в дверь.
Сердце колотилось как у пацана перед первым свиданием.

Дверь открылась.

И мир перестал существовать.

Она стояла на пороге в чёрном облегающем платье.
Волосы уложены волнами, макияж — тёмная помада, стрелки. Шея — лебединая, плечи открытые, ключицы. Туфли на высоком каблуке подчёркивали её точёные ноги.

Максим забыл, как дышать. Бл..ять.
Вот как держать себя в руках с этой женщиной.
На нее мешок одень он будет возбуждаться, а тут каблуки и темная помада.
Дайте ему терпения.

Он видел много красавиц. Моделей, актрис, светских львиц. Все они были для него как куклы — красивые, пустые, одноразовые. А эта женщина…его.

Она была всем.

Захотелось схватить её, прижать к стене, содрать это дурацкое платье. Он с трудом сдержался, сжал кулаки, спрятал руки за спину.

— Ты… — выдохнул он.

— Что? — она смотрела настороженно, даже испуганно. — Плохо выгляжу?

— Ты убьёшь меня когда-нибудь, — прошептал он.
— Садись в машину. Быстро. Пока я не передумал и не раздел тебя прямо здесь.

Она покраснела. Но улыбнулась. Взяла сумочку, вышла, закрыла дверь.

Он подал ей руку, и они спустились вниз.

В машине он молчал. Она пахла духами и чем-то своим, родным.

— Куда едем? — спросила она.

— В «Белого кролика». Там красиво и вкусно. Хочу тебя порадовать.

— Дорого, наверное.

— Не твоя забота.

Они подъехали к высотке. Он отдал ключи парковщику, подал ей руку.

В лифте он смотрел на её отражение в зеркальных стенах — фигура, платье, ноги. Она была очень красивая и ее очень хотелось. Но нельзя. Он хотел, чтобы этот вечер был правильным. Для неё.

Их встретили, проводили в VIP-ложу. За столиком горели свечи, открывался вид на весь город. Она села, огляделась.

Он сделал заказ. Не спрашивал, что она хочет — знал сам. Она любила морепродукты, не любила пересоленное. Помнил всё. Каждую мелочь.

Он смотрел на нее и в груди наполнялся чем-то теплым и сладким огромный шар, и от этого чувства переполнения какими-то небывалыми для него эмоциями хотелось нести и делать какую-то романтическую чушь.

Так-то он себя никогда не считал роментиком, наоборот он считал себя циничным, прагматичным, черствым, но все это не работало рядом с Леной, с ней из него вылезал какой-то другой парень, совсем ему пока незнакомы.

Он был лучше и чище, чем его повседневная версия.

Мысли и переживания крутились в голове и груди как цветная карусель.

Максу всего то надо было смотреть на Лену, какая она красивая, забавная и трогательная. Он даже в каком-то сладком забытье обсудил с Леной ее адвоката, которого искал несколько дней и напряг не мало знакомы.

Он правда хотел, чтобы она была счастлива, но только рядом с ним, потому что иначе, как было жить?

Только на нее у Макса вырабатывались гормоны счастья, а на всех остальных нет. У него просто не было выбора.

Глава 20. Его вечер

Саундтрек – Джиган, ARTIK &ASTI, NILETTO *«Худи»*

Все остальное для него сейчас не существовало. Но из сладкой эйфории его вывел знакомый голос.

— Макс? — сказала она, улыбаясь. — Вот так встреча!

Максим напрягся, это была его бывшая девушка.

— Алина, — сухо ответил он. — Здравствуй.

— А я думала, ты забыл меня, — сказала она. — А ты с… мамой?

Твою же дивизию, почему этому нужно было случиться именно сегодня?

Только этой су..ки и не хватало.

Сейчас Лена себя накрутит мама не горюй по поводу возраста.

Вот зачем она ляпнула эту дичь?

Специально же!

— Это моя женщина, — сказал он чётко, разделяя слова. — Елена.

— Очень приятно, — протянула девушка. — Алина. Мы с Максом… раньше работали над одним проектом.

— Не работали, — перебил он, ее хотелось придушить. — Встречались. Но все точки над і мы поставили уже давно.

— Макс, у меня остались кое-какие вопросы, — Алина не сдавалась. — Нам надо встретиться, поговорить.

— Не сейчас.

— Когда?

— Я позвоню.

— Не забудь.

— Есть один вопрос. Это важно. Проект, который касается твоего и моего отцов.

Бл…ть, да что за су…ка, привязалась, сейчас, нужно ей все популярно объяснить про их «проекты», «отношения».

Я повернулся к Лене, блин, как же ее тут одну оставлять?

Сейчас точно накрутить себя, нужно быстро разобраться с Алиной и вернуться.

— Лена, извини, пожалуйста. Я на пять минут выйду, объяснюсь и приду. Как раз принесли заказ, ты пока кушай.

— Хорошо, — сказала она растерянно.

Он шел по коридору и перед глазами проносились картинки из прошлого.

Алина когда-то хотела занять место рядом с ним вместо Лены. Было это два года назад, в Англии.

Алина появилась на вечеринке у общих знакомых. Красивая, наглая, богатая. Сама подошла, сама взяла номер. Он согласился на встречу — не потому что хотел, а потому что думал: «А почему бы и нет?» Она была удобной — секс, тусовки, никаких обязательств. Но через пару месяцев стала доставать. Звонила по десять раз на дню, проверяла, где он, с кем. Устраивала истерики, если не отвечал. Так-то она была ему особенно не нужна.

— Ты не можешь так со мной! — орала в трубку. — Я заслуживаю уважения!

— Ты заслуживаешь, чтобы тебя послали, — ответил он тогда.

Он объяснил ей прямо: не любит её, есть женщина, которую он ждёт. Алина взбесилась. Начала преследовать, караулить, слать сообщения.

Тогда её отец позвонил его отцу с претензиями. Поговорили. Старый Загорский, скрепя зубы, сказал: «Уйми свою дочь, иначе будут проблемы». Отец Алины купил ей новую тачку — красный Порше — и оплатил путешествие. Она успокоилась. Переключилась на других парней.

Максим выдохнул и думал, что забыл её. Теперь она опять взялась за старое.

И это его несказанно бесило.

Тем более, когда рядом уже была женщина, которую он хотел больше всего на свете.

Макс зашёл в пустую VIP-комнату, которая первая попалась, Алина за ним. Дверь осталась приоткрытой.

— Слушай сюда, — повернулся он к ней. — Я признателен тебе за то, что было в прошлом. Но у меня теперь другая жизнь. Я люблю женщину, которая сидит за столом. И я хочу строить с ней серьёзные отношения, а ты лезешь с какой-то стати со своим мнением и портишь мне все.

— Серьёзные? С этой старой…

— Заткнись, — оборвал он. — Не смей её так называть. И вообще — мне не нравится, что ты сравнила её с мамой. Не надо этого дерьма.

Алина надула губы.

— Макс, ну зачем ты так? Я же хотела как лучше…

— Ты хотела как лучше для себя.

— Макс, я очень рада сейчас тебя видеть. Знаешь как я тебя сильно любила тогда, когда ты меня отшил, а ведь я была беременна от тебя, но ты был таким грубым, что мне пришлось…я так сейчас об этом жалею… Мне так от этого плохо…..

И она шагнула к нему, обхватила за плечи, прижалась.

Он стоял, не двигаясь в шоке от ее новости. Вдруг за спиной послышался звук — скрипнула дверь? Или просто воздух? Он даже не обернулся.

Слова Алины подействовали на него как ушат холодной воды, но нет, он быстро пришел в себя. Не на того напала бл…ть.

Алина продолжала виснуть на нём.

— Отвали, — сказал он, отстраняясь, слегка отталкивая девушку. — Ты, что мне тут мозги ебе….ь? Если бы твои слова были правдой, то твой папаша попытался заставить меня на тебе жениться, и ты бы первая прибежала сообщить мне эту новость, так что не парь мне мозг своей выдуманной херней.

Она всхлипнула.

— Макс, ты груб…

— А я такой. И знаешь что? Чтобы ты ко мне больше никогда в жизни не подходила. Ни при каких обстоятельствах. Иначе я сделаю так, что тебе не понравится. И папа твой не поможет. Потому что я не хочу разгребать это придуманное дерьмо.

Он шагнул к ней, заглянул в глаза.

— Моя женщина ревнивая. Я не хочу давать ей никаких поводов. Поняла? И руки чтобы ко мне не тянула. Никогда. И учти — с тобой я всегда предохранялся. Ничего у нас не могло быть. Даже если бы ты захотела залететь.

Алина побледнела. Губы задрожали.

— Ты… ты сволочь.

— Да. Сволочь.. А теперь проваливай.

Он вышел из комнаты, не оборачиваясь.

Вернулся в ложу. За столиком было пусто. Лена ушла. Её сумочки не было, бокал стоял недопитый.

— Где она? — спросил он у официанта.

— Ваша дама? Она… она ушла. Забрала сумочку и быстро ушла. Кажется, расстроена.

— Давно?

— Минут пять назад.

Максим выругался сквозь зубы. Схватил телефон, набрал её номер. Занято. Ещё раз — занято. Ещё — занято.

— Бля…ь!

Он выбежал из ресторана, сел в машину. Внедорожник рванул с места.

Она не отвечала, телефон все время был занят.

Он звонил снова и снова.

Дорога, светофоры, повороты. Он сжимал руль, матерился, обгонял.

Сердце колотилось где-то в горле.

Ну что за ерунда, ну почему с ней все так идет по одному месту, хочешь как лучше, а получается вечно полная ж..па.

«Кретин, — думал он. — Зачем я туда пошёл? Зачем вообще с ней разговаривал? Надо было просто послать и всё. Теперь она решит, что я с Алиной обжимался».

Он подъехал к её дому. Заглушил двигатель, выскочил из машины. Позвонил в домофон. Молчание. Нажал ещё раз. Тишина.

Он набрал её номер. Сброс. Ещё раз — сброс.

— Твою мать, — прошептал он.

Он стоял у подъезда, смотрел на тёмные окна. Она не хотела его видеть. И он пока не знал, что делать.

Но он знал одно: он не уйдёт. Будет стоять здесь хоть до утра. Потому что без неё мир становится плоским. И это хуже смерти.

Глава 21. Объяснения

Bittuev, Nansi &Sidorov «Как быть»

Он простоял под её окнами, соображая, что лучше сейчас сделать, вломиться в подъезд и к ней или подождать, может быть она успокоится. Потом сел в машину, завёл двигатель. Не уехал — просто сидел, смотрел на подъезд, ждал.

Телефон молчал. Она не отвечала на звонки, не читала сообщения.

Он написал: *«Лена, открой, я у подъезда. Я всё объясню. Это не то, что ты подумала»*.

Прочитано не было.

Он написал ещё: *«Я люблю тебя. Только тебя. Алина — никто. Я послал её на хрен. Слышишь?»*

Ни ответа, ни привета.

Он вспомнил, как она смотрела на него в ресторане — улыбалась, поправляла волосы. Как пробовала закуски, как краснела, когда он говорил комплименты. Ему казалось, что они наконец-то становятся ближе. Что она начинает верить.

И вот — опять. Один неловкий момент, один неверный шаг — и всё рухнуло.

Он сжал руль, уронил голову на руки.

— Что ты сделал, дурак? — прошептал он. — Зачем ты вообще пошёл за этой сук….й?

Он знал зачем. Хотел раз и навсегда отшить Алину.

Но Лена, наверное, увидела только то, что он стоял, а та висела на нём.

И не дождалась продолжения. Убежала. Иначе к чему весь этот цирк сейчас.

«Потому что ты не доверяешь мне, — подумал он. — И я тебя не виню, тебя много кидали».

Он поднял голову, посмотрел на окна.

Свет не горел. Может, она не приехала?

Может, сразу поехала к подруге? Или ночевать к матери?

Он набрал Игоря Васильевича. Детектив ответил после второго гудка.

— Максим Викторович, я как раз собирался звонить. Ваша дама…

— Где она? — перебил Максим.

— Дома. Зашла в подъезд двадцать минут назад. Свет в окне не зажигала, но я уверен, она там.

— Почему не зажигала?

— Может, не хотела, чтобы вы видели. Или легла спать сразу.

— Понял. Спасибо.

Он сбросил вызов.

Значит, она дома. Не спит. Свет не включает, потому что не хочет, чтобы он знал. Или потому, что сидит в темноте и плачет.

Он вышел из машины, подошёл к подъезду. Позвонил в домофон. Тишина. Но как будто на том конце кто-то был.

— Лена, — сказал он в переговорник. — Я знаю, что ты там. Открой. Пожалуйста. Я не уйду, я хочу объясниться, это какое-то чудовищное недоразумение.

Молчание. Он продолжал.

— Я буду стоять здесь всю ночь. Если надо — до утра. Но я хочу поговорить.

Щелчок. Дверь открылась.

Он поднялся на третий этаж. Дверь её квартиры была приоткрыта. Он зашёл.

Она сидела на диване, обхватив колени. Волосы растрепаны, макияж размазан. Глаза красные.

— Лена… — начал он.

— Не подходи, — сказала она. — Сядь там.

Она кивнула на стул у стены. Он сел.

— Ты всё не так поняла, — сказал он.

— Я видела, как она тебя обнимала.

— Видела. А что было дальше?

Она промолчала.

— Ты не дождалась. А я её оттолкнул. Сказал, чтобы она отвалила. Сказал, что люблю тебя, что она мне никто. Я послал её на хрен, Лена.

— Правда?

— Правда. Спроси у официанта. Или у кого хочешь. Я вышел из той комнаты через минуту. А ты уже ушла.

Она закрыла лицо руками.

— Я не знала…

— Ты не захотела знать. Ты сразу сделала выводы. Как всегда.

Она заплакала. Он встал, подошёл, сел рядом. Обнял.

— Не плачь, — сказал он. — Всё хорошо. Я здесь. Я люблю тебя. Только тебя.

Она уткнулась ему в плечо. Сопли, слёзы, вся дрожит.

Он гладил её по голове, по спине, молчал. Потому что слова сейчас — хуй…я.

— Леночка, — сказал он наконец. — Ты для меня всё. Не надо так. Не убегай каждый раз, когда тебе что-то не то покажется. Спроси меня.

Она подняла голову. Глаза красные, тушь потекла.

— Макс, я просто не могу. У меня нет сил. Нет морального ресурса. Пойми.

— Понимаю.

— Ты хороший. Самый хороший. Мой любимый мальчик. — она шмыгнула носом.

— Я прошу тебя — уйди. Закрой дверь. Построй свою жизнь с молодой красивой девочкой. Не с Алиной, она тебе счастья не принесёт. С хорошей. А я… я как-нибудь сама. Может, встречу достойного человека. Моего возраста или постарше. Не ломай судьбу ни мне, ни себе.

Его накрыло. Да, б…я, ну почему опять одно и то же?

Он резко отстранился. Не отпрыгнул — отодвинулся, как от удара. Встал, провёл руками по волосам, подошёл к окну. Смотрел в темноту. В груди всё кипело.

— Лена, что ты делаешь? — голос хриплый, еле сдерживался. — Что ты, мат, делаешь?

— Не надо этой херни.

— Я даже не хочу представлять, что у тебя будет кто-то другой.

— Никогда, слышишь?

— Никогда не говори мне такого, даже не думай.

— Я тебя не отдам.

Он обернулся, посмотрел на неё.

— Не надо никаких старпёров. Никаких «хороших людей». Что они тебе дадут? Внимание? Заботу? Деньги? Секс? Всё это есть у меня. И больше. Я дам тебе то, чего никто никогда не даст. Потому что я люблю тебя так, как никто не любил и не полюбит. Услышь меня?

Она молчала, смотрела на него испуганно.

Он подошёл, опустился перед ней на колени. Обхватил её колени, положил голову на них. Чувствовал её тепло, её запах. Руки потряхивало.

— Лена, не убивай меня. Не отталкивай. Давай попробуем.

— Давай начнём жить вместе. Переезжай ко мне. В дом. Я хочу просыпаться с тобой, засыпать с тобой, видеть твою улыбку каждый день или грусть.

— Хочу всё, что связано с тобой. Пожалуйста, услышь меня. Ты сейчас на изломе, на исходе, я тебя понимаю, но я тоже не железный. Что мне сделать, чтобы ты согласилась?

Она молчала.

— Давай я уйду сегодня. Дам тебе паузу. День, два. Ты подумаешь. Но пообещай мне, что никуда не уедешь, не сбежишь. И что ты выберешь меня. Просто пообещай.

Она перевела взгляд в угол комнаты.

— Мне нужна пауза, — сказала тихо. — Я хотела уехать к подруге недели на две. Я даже чемодан начала собирать.

Макс посмотрел туда.

В углу стоял старый, потрёпанный чемодан.

Эта картинка была лишней.

Он не хотел даже думать, что может опять потерять ее даже на две недели. Нет. В голове растекался красный туман.

— Какой чемодан? — голос сел. — Лена, о чём ты? Какой, на хер, чемодан? Не сбегай, пожалуйста.

Она открыла рот, но он не дал сказать.

— У меня на работе сейчас тяжёлый пиздец.

— Старые волки грызутся за власть, каждый день — битва. Если мне придётся ещё скакать по самолётам и поездам, искать тебя по стране, я этого просто не выдержу.

— Лен, поддержи меня. Пожалуйста.

— Я сделаю для тебя всё, что ты захочешь. Я уже нашёл адвоката. Мы отсудим тебе ребёнка. Ты будешь жить с дочерью. Ты не будешь нуждаться ни в чём. Только сейчас — просто поддержи меня. Не твори никакой херни. Никуда не убегай. Прошу тебя.

Она смотрела на него. В глазах — слёзы, сомнения, что-то ещё.

— Я не знаю, Макс, — прошептала.

— Знаешь. Просто скажи «да». Скажи, что останешься. Хотя бы пока я не разгребу это дерьмо на работе. А потом — решим. Вместе.

Она закрыла глаза. Долго молчала. Он чувствовал, как уходит время, как песок сквозь пальцы, как сердце колотится где-то в горле.

Потом придвинулась к нему и ничего не сказала. Просто погладила его по растрепанным волосы.

Он поднял голову, заглянул в глаза.

— Ну? Ты согласна? Останешься? Хотя бы на время, пока я не разгребу это дерьмо?

Глава 21. 2 часть.

Саундтрек –НЮ«Какты паришь»

Лена молчала. Долго. Очень долго. Смотрела в его глаза — отчаянные, ждущие. Потом перевела взгляд на чемодан в углу.

— Макс, — сказала она. — Нет.

Он замер.

— Нет, Макс. Мне нужно уехать. Ты должен это понять и принять. Я просто сейчас… это всё не вывезу. Это нужно мне, как воздух – эта передышка, все слишком быстро закрутилось, столько переживаний и событий.

— Лена…

— Дослушай. У меня есть школьная приятельница. Она живёт в Казани. Там очень красиво. Я давно не была у неё. Я просто поеду, Макс. Пойми меня. Я вспомню этот город, погуляю, пообщаюсь с ней. Уроки буду вести на удалёнке. Всё обдумаю. И вернусь.

Она замолчала, потом добавила:

— Ты же не умрёшь за две недели, правда?

Он молчал. Встал. Отошёл к окну. Потом начал мерить комнату шагами. Туда-сюда. Туда-сюда. Руки за спину заложил, голову опустил.

— Лен, — сказал он, не оборачиваясь. — Я умру за две недели без тебя.

Она усмехнулась сквозь слёзы.

— Макс, ну ты как чудовище из «Аленького цветочка». Серьёзно. Два дня не видишь — и тебя ломает.

Он резко обернулся.

— Да, ломает. И что? Ты не веришь?

— Макс, ну ты же четыре года в Англии прожил без меня. Не умер.

Он подошёл к ней, опустился на колени, взял её руки в свои.

— Всё изменилось, Лен. Всё. Ты стала моей. Я понял, как это — когда ты рядом. Когда я могу на тебя смотреть. Когда могу тебя гладить. Когда могу тебя ласкать. Когда могу быть в тебе. Я не могу от этого отказаться. Тогда, в Англии, я просто этого не знал. Не понимал, каково это — держать тебя в руках. Чувствовать твой запах. Слышать твой голос. Я предполагал, что это будет крышесносно, но чтобы так, нет. Сейчас я не могу от тебя отказаться. Давай придумаем другой альтернативный вариант.

Она смотрела на него, и внутри всё сжималось.

— Я не могу без тебя, Лена, — сказал он. — Даже две недели.

— Ну пойми, — сказал Макс, снова начиная ходить по комнате. — Я могу тебя не трогать, могу не приезжать каждый день, но я должен знать, что ты здесь.

— Хотя бы в одном со мной городе. А если ты будешь где-то там, в Казани, у какой-то подруги… кто там будет рядом с тобой?

— Что ты потом замутишь?

— Вдруг тебя эта подруга подобьет путешествовать, скажет: «Лена, поехали на море», или ещё куда.

— И ты вообще свалишь не на две недели, а на два месяца, на три, на полгода?

— Я буду скакать и искать тебя? Где ты, с кем ты, что ты?

— Подожди, Максим, — перебила она. — Так ты что… ты просто ревнуешь? Ты боишься, что там, в другом городе, кто-то другой будет со мной? Что ли?

— Да нет, Лена, пойми, — он остановился, провёл рукой по лицу.

— Я, конечно, ревную тебя к каждому столбу, я это не отрицаю. Но сейчас не об этом. Эту ревность я хотя бы могу контролировать, в отличие от тоски. Речь о том, чтобы ты не уезжала. Я хочу до тебя достучаться. Постарайся влезть в мою шкуру. Я не смогу вытерпеть, когда ты будешь от меня далеко.

— Слушай, — Лена усмехнулась устало. — А кто влезет в мою шкуру? Ты же не хочешь в мою лезть.

— Нет, я стараюсь.

— Я не вижу, как ты стараешься. Ты давишь только свой вариант. Пойми, нормальные отношения между двумя людьми возможны только тогда, когда они приходят к компромиссу.

— Хорошо, Лена, — он развернулся к ней, упёр руки в бока. — К компромиссу. Но ты тоже не идёшь на компромисс. Ты решила уехать и хочешь уехать.

— Ну хорошо, — она подняла на него глаза. — Давай компромисс. Между Москвой и Казанью выберем город посередине. И я туда уеду. Не на две недели — на одну. Тебя это устроит?

— Нет, — отрезал он. — Нет.

— Тогда какой же это компромисс? — она развела руками.

Он снова заходил, нервно, сбивчиво. Руки то в карманы, то на затылок. Она смотрела на него и чувствовала, как силы покидают.

— Макс, — сказала она тихо. — Слушай, я так уже устала. Сейчас уже поздно. Давай не будем всё это…

Она замолчала, махнула рукой.

Он остановился, посмотрел на неё. Взгляд был тяжёлый, но уже не бешеный — усталый. Как у человека, который понял, что сейчас не дожмёт.

Она откинулась на спинку дивана, закрыла глаза.

— Вот что, — сказала она устало. — Давай не будем всё это обсуждать. Утро вечера мудренее. Я лягу поспать. А ты поезжай домой.

Он не двинулся с места. Стоял, прислонившись к стене, и смотрел на неё.

— Лен, — сказал он тихо. — Слушай… я в таком состоянии не доеду. Можно я у тебя тут где-нибудь лягу? На полу.

Она открыла глаза, посмотрела на него внимательно. Лицо бледное, глаза расширенные, зрачки большие, руки чуть подрагивают. Он выглядел так, будто его только что выжали.

— Ладно, — вздохнула она. — На полу, конечно, я тебя не положу.

Он замер, не веря.

— Ложись на диван, — сказала она. — Но только без всяких приставаний, понял?

— Да-да-да, — выдохнул он, быстро кивая. — О чём ты говоришь? Конечно. Спасибо.

Он выдохнул так, будто с плеч свалилась гора.

Она встала, подошла к шкафу, достала запасное одеяло и подушку. Бросила на диван.

— Вот. Ложись.

Он скинул пиджак, ботинки, лёг поверх одеяла, накрылся краем.

— Спокойной ночи, Лена.

— Спокойной ночи, Максим.

Она легла на своё место — в кресло, укрылась пледом. Свет выключила.

Долго лежала, слушая его дыхание. Оно было тяжёлым, но постепенно выравнивалось.

— Ты спишь? — прошептала она через полчаса.

— Нет, — так же тихо ответил он.

— И я нет.

Помолчали.

— Макс, — сказала она.

— М?

— Завтра договорим.

— Завтра, — ответил он.

Она закрыла глаза и провалилась в темноту. Уже засыпая, почувствовала, как с дивана донеслось ровное дыхание — он уснул.

«Два сумасшедших, — подумала она. — Два совершенно сумасшедших человека».

Но почему-то на душе стало спокойно.

От автора:

Приглашаю вас в мою горячую новинку

"РАЗВОД, Выжившая дочь"

https://litnet.com/shrt/q4o-

РАЗВО

В романе есть:
Развод — тихий уход с одной сумкой.

Измена — муж изменил прямо в их спальне.

Тайный ребёнок — дочь продали из роддома.

Поиск дочери — героиня едет в чужой город.

Властный герой — приёмный отец девочки.

Абьюз — давление и контроль бывшего мужа.

Сильная героиня — мать, идущая до конца.

Второй шанс — новая любовь и защита.

⚔# Месть мужу — он ещё пожалеет, что так поступил.
Муж изменил мне прямо в нашей спальне. Я ушла от него тихо, с одной сумкой — и даже не представляла, что на этом моя жизнь только начинается.

У меня была тайна. Пять лет назад мне сказали, что моя дочь умерла после родов, но я в это не поверила. Перед смертью старая медсестра из роддома сказала мне: «Твою девочку продали». И если есть хоть один шанс, что моя дочь жива, я должна его использовать.

Теперь я в чужом городе без поддержки. Мне тяжело и страшно, но у меня есть цель — найти свою дочь. И есть мужчина, который помогает мне стать сильнее и не бояться. Он не знает, кто я. И не знает, что девочка, которую он воспитывает — моя дочь.

Н

о с одной стороны — бывший муж, который не остановится, пока меня не найдёт. С другой — мужчина, который любит меня и не знает правды. А я — между ними. И мне придётся признаться. Вопрос только — когда и чем это закончится?

Я больше не удобная жена. Не жертва. Не тень.Я — мать, которая идёт до конца.

Глава 22. Без права выбора

Саундтрек – NЮ«Не получается»

Утро началось с тепла.

Я проснулась от того, что кто-то обнимал меня сзади. Мягко, осторожно, но настойчиво. Ладони скользили по животу, по бёдрам, губы касались шеи.

— Макс! — я отпрянула, села, натянула одеяло. — Тебе не стыдно? Ты же обещал никаких приставаний!

Он лежал на боку, подперев голову рукой, и смотрел на меня с виноватым, но довольным видом.

— Лен, я не специально. Во сне потянуло.

— Во сне? — я не поверила. — Ты меня за дуру держишь?

— Ну, может, не совсем во сне, — признался он. — Но я сдержался бы, честно. Просто ты такая… тёплая. И пахнешь вкусно, мне захотелось погладить.

— Иди завтракать, — буркнула я, вставая. — И без фокусов. Погладить ему захотелось….

Он усмехнулся, но поднялся.

Мы стояли на кухне. Я жарила яичницу, он резал хлеб и овощи. В какой-то момент я потянулась за солью, он перехватил мою руку, поцеловал пальцы.

— Отстань, — сказала я, но улыбнулась.

— Не отстану.

Вдруг он потянулся и внезапно и стащил кусок помидора с моей вилки. Следующий кусок я ему не дала, Макс начал бегать за мной по кухне, пытаясь отобрать у меня помидор. Я смеялась, уворачивалась, но он всё равно поймал, обнял, поцеловал в макушку.

— Диагноз, — сказал он.

— Какой?

— Ты мне нравишься.

Я вывернулась, села за стол.

— Ешь давай, а то остынет.

Мы з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.